

Сергей Валов

Потерянный рай

фантастический боевик

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Валов
Потерянный рай

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Валов С. Ю.

Потерянный рай / С. Ю. Валов — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Что-то очень странное творится за стенами военно-космической базы на планете Золотарь. То туземцы поднимают вооруженный мятеж против ее гарнизона. То вышестоящее командование необоснованно тянет время, бросив космопехотинцев на произвол судьбы. А затем присылает необстрелянный батальон во главе с подозрительным офицером. А еще эта череда загадочных убийств, от которых даже у ветеранов Космической пехоты появляется дрожь в коленях. И со всем этим ворохом проблем предстоит разобраться капитану Ярославцеву, ведь недаром он является одним из лучших офицеров Внеземелья. Содержит нецензурную брань.

© Валов С. Ю., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

Глава I. Капитан Ярославцев.	5
Глава II. Приказ – есть приказ!	33
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава I. Капитан Ярославцев.

"Космическая пехота это не род войск и даже не образ мышления, это особое состояние души".

(от Автора)

– Смирно! На палубе офицер! – стройная мулатка в давно не стираном комбинезоне, образцово приложив руку к черному берету, четко отрапортовала: – Сер, за время моего дежурства в наблюдаемом секторе периметр нарушался дважды, попыток массового прорыва отмечено не было. Противник продолжает скрытую перегруппировку боевых порядков и готовится к очередному приступу. Вахтенная-старшина второй статьи Дона Сомерс.

– Вольно старшина! – Ярославцев для начала внимательно осмотрел через панорамный прицел позиции туземцев и только после этого довел до подчиненной последние изменения в оперативной обстановке: – Час назад разведка доложила мне, что эти бестии подтянули на вашем направлении довольно крупный резерв. Атака может начаться в любую минуту. Поэтому, прошу вас Дона предельно сконцентрироваться и удвоить внимание.

Мулатка понимающе кивнула.

– Когда, в последний раз вы проверяли вооружение? – задал вопрос капитан, на время оставив в покое приводы лучеметов.

– В пять утра сэр, перед заступлением на дежурство. Все системы исправны и прошли дополнительное обслуживание.

– А где ваш сменщик? Почему я не наблюдаю лейтенанта Поленцову на боевом посту?

– Она отдыхает в отсеке боепитания сер, по причине резкого ухудшения здоровья.

– Вот как?! Неужели наш стойкий «Оловянный солдатик» все-таки сломался?

– Не совсем сер. Перед самым вашим приходом у нее случился приступ «Венерянки», причем второй за последние четыре часа. Я пыталась настоять на госпитализации, но она, в жесткой форме отменяла все мои уговоры и, категорически отказалась покинуть пост. Я почти насильно вколола ей два кубика витаминных стимуляторов, и немного снотворного. Надеюсь, это хотя бы ненадолго приведет ее в норму.

– Вы все сделали правильно, старшина. Продолжайте нести дежурство.

Ярославцев не поленился протестировать электронные схемы лучеметов главного калибра.

А когда убедился в их исправности, то мимоходом заглянул в небольшой боковой отсек, предназначенный для хранения боеприпасов.

В нем на сдвинутых, пустых контейнерах, в спальном мешке, отдыхала корабельный лейтенант Марина Поленцова.

Капитан бесшумно вошел внутрь, приблизился и осторожно коснулся кончиками пальцев ее потного лба.

Убедившись, что тот холодный, он не успокоился, пока с помощью карманного экспресс – анализатора не измерил пульс и кровяное давление девушки.

Однако все его волнения оказались напрасны. Марина крепко спала под действием принятых лекарств и ее здоровью в данный момент ничего не угрожало.

Ярославцев хотел, уже было идти, но не смог удержаться от соблазна, и некоторое время постоял рядом, любуясь тем, как вздрагивают ее загнутые кверху ресницы...

Девушка что-то пробормотала во сне и, разметав клапаны спального мешка, перевернулась на спину.

В могильной тишине вакуум – бетонного отсека, огромные золотые часы на ее узком запястье, так громко отсчитывали секунды, что невольно напомнили капитану о недавней встрече с ее отцом, которая состоялась в день отправки экспедиции на задание...

В то суматошное и напряженное утро, едва управившись с погрузочными мероприятиями, Ярославцев поспешил на командный пункт для уточнения полетного задания. Однако по пути к начальству его перехватил один из посыльных и передал распоряжение дежурного по космопорту, согласно которого он должен был немедленно прибыть в здание военного терминала.

И хотя, в тот момент, Костя был, занят как никогда, проигнорировать полученную команду он не имел права.

Прибыв в зал предполетного ожидания, он, к своему удивлению, нос к носу, столкнулся с усиленным нарядом Космической полиции, охранявшим генерала Поленцова, которого они согласно вступившего в силу приговора вот-вот намеревались передать в распоряжение, присутствовавшего здесь же, командира штрафной роты.

Внимательно осмотрев эту живописную группу, Костя отметил про себя что, не смотря на всю безнадежность своего нового положения, Дмитрий Степанович не выглядел подавленным и, в отличие от остальных, стоял прямо, вызываясь развернув плечи, с гордо задраным подбородком.

Закованные в кандалы руки, покоились на груди, а черная форма осужденного только подчеркивала мощь и красоту его атлетической фигуры.

Ярославцев, как подобает войсковому офицеру, ни как не отреагировал на происходящее и, подчеркнуто по-уставному, обратился ко всем присутствующим:

– Начальник экспедиции на планету Золотарь капитан Ярославцев. Кто из вас проявил интерес к моей персоне господ?

– Я! Разжалованный бригадный генерал Космической пехоты Поленцов Дмитрий Степанович.

– Чем могу быть вам полезен сэр?

– Я хотел бы побеседовать с вами капитан.

– К сожалению, я не располагаю достаточным количеством времени и поэтому предлагаю обсудить вашу проблему, коротко и по существу.

– Не возражаю! – согласился Поленцов и тут же продолжил: – Я много слышал о вас положительного капитан.

Еще задолго до этой встречи изучил ваше личное дело, отзывы сослуживцев и начальников, а также аттестационные материалы, из которых уяснил для себя, что вы не самодур, не рубака, а толковый офицер с обостренным чувством долга, который никогда не пожертвует жизнью своих подчиненных ради карьерных или корыстных побуждений. Скажу больше, некоторые высшие чины в аппарате Министра обороны уже давно называют вас: «Командиром от Господа Бога»! Я так же знаю, что за все время своей служебной деятельности вы не провалили ни одной боевой операции. Никогда и не при каких обстоятельствах не несли неоправданных потерь...

– Ближе к делу генерал! Время не терпит. – Костя демонстративно посмотрел на часы.

– Недавно в ваш отряд, по распределению, прибыла моя дочь...

– Знаю. Корабельный лейтенант Поленцова Марина Дмитриевна. Выпускник Новосибирского училища Космической пехоты этого года. Да, действительно, вчера она приняла должность и уже, не смотря, на столь короткий срок, успела зарекомендовать себя как грамотный и исполнительный офицер. Я, кажется, понял, чего вы от меня хотите генерал, и поэтому, дабы не тратить попусту время, сразу заявляю в присутствии этих господ, что любые ваши просьбы о представлении ей каких либо послаблений по службе, будут мной категорически проигнорированы. Скажу больше! Я не очень-то жалею генеральских отпрысков в своем отряде и всегда

пытаюсь при первой же возможности от них избавиться. Однако это мое сугубо личное мнение, которое я всегда держу при себе, ведь как начальник экспедиции я не имею права делить своих подчиненных по социальному признаку. Ну и самое последнее! Для вас, конечно же, не секрет, что командир любого ранга несет персональную и полную ответственность за жизни всего личного состава вверенного ему подразделения. Поэтому позвольте заверить вас генерал, что я не стану, в ближайшие три месяца, подвергать вашу дочь, неоправданному риску. Извините за прямоту и разрешите на этом закончить нашу весьма занимательную беседу!

– Одну минуту капитан, – переступая через собственную гордость, попросил Поленцов. – Будь я в прежнем звании вы бы, попрिдержали язык и посчитали за честь исполнить мои рекомендации.

Ярославцев презрительно усмехнулся:

– Сэр. Я перестал прислушиваться к генеральским рекомендациям после третьего выброса когда, реализовав свое собственное, нестандартное решение, остался в живых.

Я всегда действую, как считаю нужным, и поэтому, до сих пор, в отличие от моих более покладистых сослуживцев, ношу капитанские нашивки. Я, так же давно, вырос из курсантского комбинезончика, и не питаю иллюзий по поводу пропагандистских баек о нашей непобедимости, легендарности и то, что мы «от солдата и до маршала, единая, дружная семья». Вы беззастенчиво пичкаете этой идеологической жвачкой молодежь, в надежде заполучить еще сотенку, другую дураков, готовых безропотно погибать за вас в разных уголках Вnezемелья. С другой стороны, а с чего это вы так распереживались сэр?

Ваша дочь такой же, как и все остальные, офицер и ситуация, в которой вы сейчас оказались достаточно типична для низовых подразделений Космической пехоты. Просто теперь она непосредственно затронула вашу некогда высокочтимую персону. Но разве стоит так расстраиваться? Выше голову генерал! Ведь лейтенант Поленцова теперь служит Родине! – как заправский войсковой пропагандист продекламировал капитан и тут же безжалостно продолжил: – Вы можете сколько угодно обижаться на меня, но как вы объясните то, что сами еще совсем недавно, ни чуть не испытывая угрызения совести, отправляли молодых выпускников туда, откуда они, через неделю, возвращались замороженные в пластиковые пакеты. Это ведь не я, а вы и вам подобные превратили Армию в кормушку. Вы без зазрения совести затыкали бреши боевых потерь детдомовцами и бедолагами из малообеспеченных семей, для которых служба в Армии являлась единственным шансом хоть на какое-то время выбраться из нищеты. Теперь же, Дмитрий Степанович, система заработала против вас, и стоит ли обижаться на нее только за то, что уже не вы, а другой «дядя в лампасах» определяет судьбу вашего, горячо любимого, ребенка. Однако вы все равно можете спать спокойно. Потому что, в отличие от остальных я никогда «не брошу под танки» зеленого, неоперившегося лейтенанта, даже если за это с меня попытаются снять погоны. Как истинный «Человек боя» я отдаю себе отчет в том, что вчерашние выпускники военных училищ являются дешевым пушечным мясом, да еще к тому же совершенно не обученным практическим навыкам организации и ведения боевых действий во Вnezемелье. Для выполнения сложных боевых задач в отряде найдется достаточное количество подготовленных и проверенных в боях офицеров. В остальном же, никаких послаблений ваша дочь не получит. По-моему, мы напрасно потратили время сэр!

– Вы правы капитан, нам больше не о чем с вами говорить! – Поленцов оглянулся и сделал знак одному из конвойных. Тот приблизился и достал из кейса маленький кожаный футляр. – Но я надеюсь, что мою последнюю просьбу вы не посмеете проигнорировать. Здесь, – он легонько потрянул предметом, – внутри этой небольшой коробки хранится наша фамильная реликвия, которую мы передаем из поколения в поколение на протяжении вот уже тысячелетия. Будьте так любезны сэр, вручите ее корабельному лейтенанту Поленцовой Марине Дмитриевне.

– Позвольте полюбопытствовать? – Ярославцев вопросительно погладил кончиками пальцев по выпуклой крышке.

Генерал утвердительно кивнул.

На дне футляра тускло поблескивали механические наручные часы, оправленные в массивный золотой корпус, который окольцовывал инкрустированный драгоценными камнями циферблат.

– Впечатляет! – Ярославцев аж присвистнул от восторга, и добавил на корабельном сленге: – «Мощные котлы»!

– Сколько вам лет капитан? – снисходительно улыбнулся Поленцов.

– Двадцать семь сэр. И самое главное, – Константин аккуратно уложил часы в нагрудный карман, – Как я успел заметить Марина, весьма привлекательная девушка...

– И что из этого следует? – насторожился осужденный.

– А из этого следует, что на первых парах я обязуюсь оберегать ее от недоразумений личного характера.

Генерала настолько разозлили его самоуверенность, что он готов был лопнуть от возмущения:

– Вы на что намекаете, капитан?! Моя дочь еще при поступлении в военное училище подписала «Контракт безбрачия». Она совершенно не нуждается в вашей опеке!

– Дмитрий Степанович, вы неправильно истолковали мои слова. Позвольте объясниться по существу?

– Попробуйте, капитан.

– Я никогда не вмешиваюсь в личную жизнь своих подчиненных до тех пор, пока это не начинает влиять на их боеспособность. К тому же Корабельный устав обязывает меня оказывать всестороннюю поддержку молодому офицеру в процессе его профессионального становления и безболезненной адаптации в воинском коллективе. А как показывает практика, молодежь в этом прекрасном возрасте очень самонадеянна, бескомпромиссна и часто способна на необдуманные поступки.

– Товарищ капитан! Моя дочь – девушка самых строгих правил. Я приложил немало усилий, чтобы воспитать ее в лучших традициях нашего прославленного офицерского корпуса. Поэтому вам будет вполне достаточно одного лишь замечания, чтобы она набросила крепкую узду на свои чувства и поставила служебные интересы выше личных. Карьера военного – важнейшая цель в ее жизни.

– Я рад, что мы наконец-то поняли друг – друга. – Не стал переубеждать его Начальник экспедиции и поспешил, откланяясь: – Итак, весьма сожалею, но мне пора. До свидания генерал. Честь имею, господа офицеры.

– Сер. Нас атакуют, – негромкий доклад старшины вернул его на грешную землю.

– По всему периметру?

– Нет, пока что только в нашем секторе ответственности. Около пяти сотен туземцев быстро спускаются рассыпным строем по валу. Разрешите объявить общую тревогу и разбудить лейтенанта?

– Отставить тревогу! Не стоит лишний раз подрывать и без того издерганный гарнизон, – возразил ей Ярославцев.

Он быстро занял место второго стрелка в операторском кресле, – С таким количеством атакующих мы без труда управимся и сами!

– Тогда, работаем командир?! – дежурной фразой испросила разрешение на активацию всех систем вооружения старшина.

– Работаем Дона. – Выдал подтверждение капитан.

Он привычными движениями отщелкал необходимые тумблера, и навел стволы лучеметов главного калибра на приближающегося противника.

– Дальность до цели?

– Полторы тысячи метров. Фугасным. С рассеиванием по фронту, малым темпом, – скороговоркой выдала наиболее эффективные параметры для стрельбы старшина, считывая показания с баллистического дальномера.

– Огонь только по моей команде! – заранее предупредил Ярославцев и, прибавив увеличение, начал ловить в перекрестие прицела четкие силуэты атакующих базу воинов.

Управлять тяжелым пушечным вооружением было одно удовольствие! Многотонные артиллерийские стволы с тихим жужжанием плавно реагировали даже на самое незначительное колебание привода, а их оптика была настолько сильной, что первая попавшая в прицел фигура сразу же заполнила всю панораму.

Но капитана в данный момент больше интересовало не количество атакующих, а их экипировка. Он на максимум прибавил увеличение и, к своему величайшему изумлению, разглядел на одном из них тонко-вязанную металлическую кольчугу, усиленную спереди небольшими квадратными пластинами. Беглый осмотр первого десятка, окончательно подтвердил его опасения: противнику, не смотря ни на что, все-таки удалось за какие-то сутки отмобилизовать и качественно вооружить достаточно крупный резерв...

А ведь еще вчера, эти бравые парни штурмовали спецфотрсооружение в обычных, кожаных доспехах и никто, даже в самом страшном сне, не смог бы себе представить столь стремительного ухудшения в общей тактической обстановке.

В конец, раздосадованный Ярославцев, слегка приподнял перекрестие, и непроизвольно чертыхнувшись, закусил губу. Сильная оптика прицела позволила ему не только разглядеть каждое звено на новеньких кольчугах атакующих, но и их перекошенные ненавистью лица. Выражение крайнего безумия настолько явственно просматривалось в глазах туземцев, что капитан зябко дернул плечами, и крепко стиснул рукоятку привода огнем.

Ему и раньше доводилось сталкиваться с проявлением крайней озлобленности во время колонизации планет. Этот нелегкий и весьма болезненный процесс, не смотря на изошренные усилия сотрудников дипломатического корпуса, достаточно часто выходил из под их контроля, и перерастал в активную вооруженную фазу, в ходе которой землянам приходилось использовать даже оружие массового поражения.

Однако на маленьком и напичканном полезными ископаемыми Золотаре все случилось с точностью да наоборот...

Первый этап освоения богатых золотоносной рудой территорий, не смотря на все опасения колонистов, прошел на удивление гладко и легко. Немногочисленное население, в основном проживавшее на равнинной местности проявило по отношению к пришельцам искреннее миролюбие и полную готовность к обоюдовыгодному сотрудничеству.

Малочисленные скотоводческие племена, объединенные в родовые кланы, не помышляли ни о каком сопротивлении и отличались не только покладистым нравом, но и терпеливым отношением к непонятно откуда явившимся чужакам.

В дополнение ко всему их полупервобытный менталитет еще не был, затронут тлетворным влиянием товарно-денежных отношений, и любые спорные вопросы решались между ними достаточно легко и просто.

С раннего возраста эти дети степей воспитывались на строгих тейповых традициях, отступление от которых немедленно осуждалось всеми членами родового клана. Они трепетно заботились о стариках, в строгости и любви воспитывали свое многочисленное потомство, свято соблюдали законы гостеприимства и неприкосновенности человеческой жизни. А некоторые из них, проживая в границах своих родовых стойбищ, и вовсе наивно обожествляли окружающую их природу.

Константин так и не смог выяснить причину, столь кардинально изменившую их поведение. Население планеты вдруг не с того, не с сего, в одночасье попало все свои жизненные принципы, и мгновенно перевоплотилось в безжалостных и кровожадных убийц, успев всего лишь за какой-то месяц объединиться в боевые отряды, освоить массовое производство холодного оружия и выступить единым, организованным фронтом.

Но самое главное они совершенно **ПЕРЕСТАЛИ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ!**

Словно в кошмарном сне изо дня в день, не считаясь с потерями, золотарцы с тупым остервенением продолжали лезть на лучеметы главного калибра. И хотя все их приступы непременно заканчивались полным уничтожением штурмующих, об отступлении и уж тем более бегстве никто из них даже не помышлял. Они вели себя так, словно были зомбированы или опоены какой-то наркотической дурью.

Ежедневно, с восходом местного светила, толпы несчастных, волна за волной, бросались под убийственный огонь лучеметных трасс! А им на смену, из глубины степей с завидным постоянством, прибывали новые группы добровольцев, чтобы так же нелепо пойти и найти свою смерть под стенами базы!

Порой Ярославцеву казалось, что время на этой гребаной планете остановлено раз и навсегда. Причем остановлено теми, кто упорно желает, чтобы сотнями гибли кормильцы семей, становились вдовами молодые, полные надежд и желаний женщины, а убитые горем родители доживали свой век в одиночестве.

Конечно же, он не сидел, сложа руки и, как начальник экспедиции делал все возможное для того, чтобы выпутаться из этого архи – затруднительного положения. И рано или поздно, ему все равно бы удалось в корне изменить ситуацию и добиться хотя бы временного перемирия.

Однако осуществлению его планов, в первую очередь, препятствовало полное отсутствие разведанных о противнике, уже почти израсходованный боекомплект и пустые энергетические емкости. В таких условиях не то, что оборона базы, само существование малочисленного гарнизона уже ставилось под сомнение.

А после того как еще и всемогущая техническая разведка расписалась в собственном бессилии, Ярославцев просто был вне себя от ярости.

Многоцелевые видео-зонды и малые самолеты разведчики, почему-то бесследно исчезали с экранов обзорных радаров, так и не успев, как следует удалиться от стен базы.

И только отчаянные, пешие вылазки диверсионных групп, в первую неделю осады, позволили ему добыть те жалкие крупицы информации, из которых он впоследствии сделал неутешительный вывод о том, что виновниками всех свалившихся на его голову бед являются местные шаманы. Это они, непонятно по какой причине, прокляли пришельцев и, под истошные завывания у костров, благословляли и направляли разъяренную паству на штурм их последнего убежища.

Но и бесноватые служители культа, как выяснилось позже, тоже оказались игрушками в чьих-то опытных руках. Они, как и рядовые воины, демонстрировали ярко выраженные признаки массового безумия и естественно не могли претендовать на роль организаторов всего этого ужасающего по своим масштабам безобразия.

Очень часто, особо рьяные из них, добровольно возглавляли колонны штурмующих, и принимали смерть наравне с соплеменниками. Такие яркие демонстрации фанатизма позволили Константину довольно быстро исключить их из числа руководителей верхнего эшелона.

Так кто же тогда управлял этой одурманенной армией смертников? Этот вопрос не давал Ярославцеву покоя ни днем, ни ночью. Если бы ему удалось вычислить расположение их штаба, а потом обычной точечной операцией уничтожить верхушку сопротивления, то лишённые единого командования племена, быстро утратили бы боеспособность или, на худой конец, предоставили бы осажённому гарнизону временную передышку.

Однако запертый многотысячной армией противника в стенах базы, после трагической и бессмысленной гибели последней диверсионной группы он не смел, и носа показать наружу...

К тому, очень важному для отряда разведывательному рейду они готовились с особой тщательностью. Костя лично сформировал группу, и казалось, учел все предыдущие ошибки.

Но спустя двое суток после заброски пятерых разведчиков вглубь вражеской территории их обезображенные, насаженные на заостренные колья трупы были выставлены туземцами на южном валу.

Естественно он не смог стерпеть такого оскорбления! Ведь космопехотинцы никогда не бросали своих на поле боя. И как только стемнело, Ярославцев лично возглавил штурмовую группу.

В ту ночь они влетели в такую засаду, что после многочасового боя в полном окружении недосчитались еще четырех бойцов!

Перед тем как повести подчиненных на прорыв капитан собственноручно уничтожил останки погибших из напалмового огнемета, и окончательно уяснил для себя, что имеет дело не с тупыми козопасами, а с весьма серьезным и коварным противником.

– Огонь, – скомандовал Ярославцев, вдавливая гашетку.

Первым же залпом он накрыл большую часть наступающих, и заставил их остановиться. Плотная цепь разрывов буквально разметала золотарцев, перемешав их искалеченные тела с землей. Плазменные импульсы лучеметов, в сотые доли секунды, вгрызаясь в почву, расплавили ее, а образовавшиеся в местах попадания, раскаленные сферы, подскакивали и взрывались над поверхностью, причиняя атакующим колоссальный урон. В воздух летели изуродованные останки, окровавленные куски снаряжения и оплавленные комья земли.

Капитан уже давно смирился с тем, что все происходящее, не лезет ни в какие рамки и меньше всего походит на классическую, боевую операцию. Да еще солдаты противника, словно бегущий на заклание скот погибали, молча, что полностью противоречило его прежним представлениям о физических и психических возможностях человеческого организма, и заставляло ставить под сомнения не только собственную компетентность, но и основные требования боевых уставов.

Уже через минуту это душераздирающее светопредставление закончилось и, только выжженная огненным плугом, земля продолжала дымиться и остывать покрытая мертвыми телами тех, кто еще несколько мгновений назад жил, любил и на что-то надеялся...

– Охладить стволы старшина. Пополнить боекомплект. – Капитан отключил приводы и поднялся из операторского кресла.

– Есть сер! – не замедлила с ответом Дона и, вскрыв контейнеры боепитания, стала вручную подносить ящики со снарядами.

Она неторопливо зарядила расстрелянные звенья и, выровняв ленты, негромко доложила начальнику:

– Сер, у нас не осталось ни единого заряда. Этот ящик был последним.

Ярославцев прекрасно понял причину ее беспокойства. Ведь согласно, требованиям Боевого устава расходовать оставшиеся боеприпасы она теперь могла только с его личного разрешения. И капитан, не колеблясь, отдал его:

– В случаи повторной атаки приказываю использовать неприкосновенный запас. Как поняли меня Дона?!

– Есть использовать неприкосновенный запас.

– И не стоит так раскисать старшина. Ведь даже при самом пиковом раскладе нам нужно продержаться всего лишь до конца недели.

– А вы уверены сер, что обещанное подкрепление прибудет к нам во время? – при других обстоятельствах она бы ни за что не рискнула задать этот вопрос.

– На все сто, старшина! – бодро заявил начальник и дружески потрепал ее за плечо.

Девушка вымученно улыбнулась и поплелась к операторскому креслу, а он, тем временем, заученным движением расправил штурмовую экипировку на поясном ремне и вышел в коридор, чтобы продолжить плановый обход внутренней территории базы.

Ярославцев совершал эту процедуру ежедневно и сегодняшний день не стал для него исключением. До того, как заглянуть на старшинский пост он уже успел побывать в огневых сооружениях нижнего яруса.

Теперь же ему предстояло проверить самый верхний уровень базы, напичканный системами залпового огня, скорострельными зенитными пушками и радарными средствами слежения.

На среднем, оборудованном жилыми и культурно-бытовыми помещениями, царило такое запустение, что Костя решил не расстраивать себя лишним раз...

Немного пройдя по узкому коридору, он оказался в огромной стартовой шахте.

Выстроенная в форме идеального круга она вертикально уходила вверх и упиралась в бронированный купол внешней защиты сооружения.

Балансируя, словно канатоходец, он осторожно ступил на покрытый коррозией металлический настил, проложенный вдоль всей ее окружности, и направился к ближайшему трапу, изредка при этом посматривая вниз.

Там, на нулевом этаже, почти на уровне фундамента, находился космодром, на взлетной полосе которого, в болезненном свете двух прожекторов, распластались авиафлаи – ударная мощь и главный козырь любого подразделения Космической пехоты!

В войсках эти грозные покорители небес служили для усиления огневой мощи подразделений и представляли немалую угрозу для противника.

Бронированные боевые машины традиционно классифицировались на: разведывательные, огневые, транспортные и поисково-спасательные. Располагая ими, даже самое занюханное соединение, многократно увеличивало свои тактические возможности, а так же было способно успешно решать поставленные задачи в полном окружении или вынужденном отрыве от основных сил.

Однако сейчас эти мощные боевые единицы лежали грудой никчемного хлама, причем настолько бесполезной, что главный арсенальный мастер, капитан Нуриев, уже не раз предлагал разобрать их до винтика, чтобы затем использовать дефицитный металл для текущих ремонтных работ, а крупнокалиберными пушками усилить огневые сооружения по внешнему периметру базы.

Ярославцев, не смотря на его уговоры, воспринял эту инициативу в штыки, жестко осудил ее и, в категоричной форме, запретил демонтаж летательных аппаратов. Как опытный офицер, он прекрасно понимал, что погоня за сиюминутной выгодой выйдет его подразделению боком

Столь опрометчивый шаг автоматически превращал отряд в малоэффективное, слабоманевренное тактическое звено, лишенное элементарного прикрытия с воздуха.

Костя остановился и, внимательно присмотревшись к одному из кораблей, заметил возле него привалившегося к топливному баку часового. Причем это «Бренное тело» не дремало вполглаза, а дрыхло самым бессовестным образом!

Раздосадованный его поведением капитан, громко постучал карабином страховочного фала о металлическое ограждение.

Боец тут же встрепенулся, лихо козырнул и доложил:

– Сер, за время несения службы на объекте происшествий не случилось.

– Не спи «Солнышко», замерзнешь ведь. – Полушутя начал рихтовать подчиненного Ярославцев. – И вообще, Андрианов?!

– Да, мой капитан!

– Если уж вам действительно совсем невтерпеж, закройте внутри транспортника, суньте оружие под себя и немного вздремните. Все равно ведь услышите, если кто ни будь спуститься на космодром.

– Я сама бдительность сер! – возразил оскорбленный часовой.

– Тогда «бдите» как положено, а не «топите харю», при первой же возможности.

Боец обижено надул щеки, а Ярославцев стал карабкаться дальше по трапу, уверенный в том, что уязвленный космопехотинец теперь до прихода смены не сомкнет глаз.

Пройдя еще несколько метров, он вдруг поймал себя на том что, наверное, все-таки зря отчитал подчиненного и не дал ему, как следует выспаться. Этот пост не представлял особой важности в системе внутренней безопасности отряда, что нельзя было сказать про дежурство во внешних огневых сооружениях, где минутное замешательство или невнимательность оператора, могли бы привести к гибели всей базы. Часовой возле флаев ничего не решал и выставлялся на случай попытки угона корабля или возникновения пожара. Но даже если кому-то из бойцов и взбрело бы в голову несанкционированно воспользоваться аппаратом, пустые энергоемкости позволили бы только запустить его и прогреть двигатели. Конечно, теоретически можно было, с помощью специальных ключей, слить все имеющиеся топливо в один флай. Но практическое осуществление этого плана требовало большого количества времени, уверенных навыков и специального комплекта противохимической защиты, который уже давно отсутствовал на базе. Однако не зависимо от обстоятельств, инструкция запрещала даже на короткое время оставлять без присмотра корабля. И Ярославцев ежедневно, на утреннем разводе, назначал сюда двухсменный караул, прекрасно понимая, что измотанные донельзя подчиненные воспримут это как подарок и все равно найдут возможность урвать часок, другой для сна.

Капитан вновь остановился, но теперь чтобы тщательно осмотреть заинтересовавший его участок стены.

В этом месте вакуум – бетонная поверхность наиболее глубоко подверглась воздействию агрессивной среды и уже начала разрушаться.

Он включил карманный фонарик и медленно заскользил его лучом с лева на право. Бледное пятно от почти, что разряженных батарей, высветило откровенно удручающую картину! Сырость, холодный воздух и полумрак казалось, пропитали это место насквозь. Плафоны аварийного освещения с трудом обеспечивали видимость, а металлические трапы, карнизы, смотровые площадки, сильно проржавели и могли обрушиться в любую минуту. Коррозия на Золотаре, распространялась очень быстро и земные металлы, слабо противостояли ее наступлению. Луч фонарика с завидным постоянством выхватывал огромные грибковые наросты, вольготно расплодившиеся вокруг сдохших кондиционеров и вентиляционных отверстий.

А маслянистые пятна плесени, расползаясь во все стороны, распространяли такое отвратительное зловоние, что заставляли непроизвольно задерживать дыхание.

Ярославцев надел защитную маску, потушил фонарик, и продолжил карабкаться вверх.

Его сегодняшний обход вряд ли мог хоть что-то изменить. Еще месяц назад лучшие эксперты отряда вынесли в отношении базы окончательный вердикт: «Если в ближайшее время гарнизон не пополнит запасы энергии или не получит подкрепление с Земли, то очень скоро ее защитники потерпят сокрушительное поражение». Просто сегодня эта угроза обрела для него четкие временные границы: две недели плюс, минус максимум три дня, да и то при самом благоприятном стечении обстоятельств.

Если же ситуации все-таки резко ухудшится, и туземцы начнут непрерывно штурмовать сооружение со всех сторон, оставшихся боеприпасов едва хватит на полчаса нормального боя. При этом космопехотинцы сумеют перемолоть примерно тысячу пятнадцать атакующих. Потом, немного задержат взобравшихся на стены, огнем из табельных лучеметов. И, наконец, завершат свое отчаянное сопротивление рукопашной схваткой во внутренних помещениях.

Когда же противник полностью захватит все внутренние помещения, храбрый лейтенант де Базиде, взорвет остатки ядерного топлива в аварийном реакторе, и превратит окрестности базы, в братскую радиоактивную могилу.

Гвардия умирает, но не сдаётся! А как же иначе?!

Костя обречено выругался, представив всю нелепость столь бесславного завершения своей служебной карьеры.

Нет, ни он, ни его подчиненные совершенно не боялись смерти. С самого раннего детства они уже свыклись, с тем, что когда-нибудь это с ними, обязательно случится, и постоянно были готовы «умереть красиво».

Тем более что переход в мир иной был для них хоть и неприятным, но неизбежным финалом в не долгом, но честном служении Отечеству.

А весь процесс многолетней подготовке и натаскивания сводился к достижению лишь одной единственной цели: сражаться и уничтожать противника до последней возможности.

Ту роковую черту, после которой уже нет возврата, и солдаты, и офицеры переступали с легкостью, а потом, словно упавшие с неба метеориты, медленно остывали в своих окопах, окружая себя десятками вражеских трупов...

В отличие от Космической десантуры, Звездного спецназа или Галактической разведки, Космическая пехота высаживалась на планету один раз и если не побеждала, то погибали вся до единого, не смея даже пикнуть об отступлении.

«Слабые уходят, а мы остаемся навечно!». В истории этого прославленного рода войск не было случая, когда его подразделения запрашивали разрешение об эвакуации. Каждый боец воспитывался, как уникальный и неповторимый солдат Вселенной, смелый, решительный и непобедимый.

В ходе нескончаемых колониальных войн, эти звездные рейнджеры не раз, убеждались в том насколько сложно добывается жизненное пространство в дальнем Внеземелье.

И поэтому они свято считали своим любой клочок вражеской территории, на который по приказу правительства успевали ступить их штурмовые ботинки!

Столь непривычные для обывательского уха принципы были для них не подлежащей обсуждению аксиомой. Их пестовало не одно поколение космических бойцов, а девиз: «Ни шагу назад!» – ежедневно подкреплялся, чьей-то пролитой кровью.

«Сражайся или умрешь!» – других законов жестокая и практичная философия Космоса не признавала! Ведь только ярость и безграничная вера в собственные силы помогли отряду выстоять в тот роковой день, когда тысячи вооруженных туземцев, разрушив перерабатывающий комплекс, ринулись на штурм базы.

Едва лишь забрезжил рассвет, как их обезумевшие орды, с дикими воплями обрушили свой «праведный гнев» на ненавистных пришельцев.

Первыми приняли на себя удар посты боевого охранения, выставленные больше для подстраховки, но именно они оказались на его главном острие и, благодаря их героическому и отчаянному сопротивлению, Ярославцев успел, не смотря на внезапность нападения, провести эвакуацию всего обслуживающего персонала перерабатывающих и добывающих предприятий.

Рабочие и служащие, избежав потерь, вместе с семьями, благополучно покинули планету на единственном аварийном модуле.

Покончив с эвакуацией и отдав приказ о занятии круговой обороны вдоль периметра военной базы, капитан восстановил связь с дравшимися в окружение группами, и сумел кинжальными контрударами деблокировать и обеспечить уцелевшим бойцам организованный отход.

Едва отступив за многометровые стены куполообразного убежища, космопехотинцы шквальным огнем отбросили золотарцев на почтительное расстояние и заставили их держаться подальше от базы.

Те, в свою очередь, не медля, окопались широким рвом, огородились глухим бревенчатым частоколом и, не снимая осады, предприняли несколько неудачных штурмов.

Однако очень скоро, осознав всю тщетность этих попыток, осаждающие резко сменили тактику, и перешли к долговременному изматыванию противника.

Совершая ежедневные вылазки, они вынуждали гарнизон бестолково расходовать боеприпасы, и постоянно удерживали космопехотинцев в напряжении.

Их примитивной, но выигрышной стратегии Ярославцев, не смотря на огромный боевой опыт, пока что смог противопоставить только двухсменное дежурство на внешних стенах базы, огневую мощь вооружения, да дохленький резерв, из наиболее опытных ветеранов отряда, который, кочуя из сектора в сектор, неожиданными огневыми налетами, создавал у противника иллюзию многочисленности оборонявшихся.

Однако капитан уже давно не верил в чудеса и понимал, что судьба его маленького гарнизона, предрешена. Своими энергичными действиями он лишь оттягивал момент наступления трагической развязки.

Его подчиненные четвертый месяц сидели на протухшей воде, просроченных рационах выживания, без тепла и сносного освещения. Их силы таяли на глазах. И хотя в отряде имелись специально обученные бойцы – экстрималы, способные продержаться в этих условиях еще как минимум три месяца, практически, из-за своей малочисленности, они не могли ничего решить, и больше служили для утешения его полководческого самолюбия...

Трезво оценив сложившуюся после нападения обстановку Ярославцев, в первую же неделю осады, принял решение о строжайшем сбережении энергоресурсов. Он вынуждено, не смотря на глухое роптание подчиненных, отключил все системы жизнеобеспечения, оставив в работе только вентиляцию и водоснабжение. И причина такого волевого скупердяйства была одна: к моменту первой атаки туземцев на промышленный комплекс внутренняя энергоемкость базы оказалась заполненной только на две сотых процента. Гражданские инженеры к этому времени только-только успели запустить энергостанцию на комбинате, и тянули питающие кабели к их зарядным устройствам. Смонтированный же, внутри базы аварийный реактор, был так же загружен минимальным количеством ядерного топлива и не мог развить полной мощности что, конечно же, противоречило всем наставлениям по эксплуатации боевых спецфортсооружений. Однако и этой вопиющей беспечности существовало довольно логичное объяснение. Дело в том, что экспедицию впервые снаряжало и отправляло на задание не Министерство обороны, а частный металлодобывающий консорциум, который просчитав затраты и ожидаемую прибыль, решил в целях экономии средств, пренебречь вопросами боевой готовности нанятого им соединения.

Теперь же эта экономия вылезла отряду боком! Хотя, в службе безопасности коммерческого объединения работали далеко не дилетанты набранные по объявлению с улицы, и винить во всем господ бизнесменов было бы глупо...

По правде говоря, они добросовестно просчитали все риски и предприняли достаточные меры предосторожности.

Никто ведь не ожидал, что население планеты, демонстрировавшее поначалу в отношении колонистов полную лояльность, внезапно взбесится и разнесет комбинат буквально в пух и прах.

Тем более что целый батальон Космической разведки, а также частная геологическая партия, еще за полгода до начала строительных работ, независимо друг от друга, обследовали Золотарь, и пришли к одному и тому же заключению: «Никакие факторы: социальные, климатические, этнические, религиозные и т.д., не угрожают налаживанию широкомасштабной добычи золота. Планета в изобилии располагает этим драгоценным металлом, что позволяет промышленности Земли, в ближайшее десятилетие, забыть о его восполнении».

Отряд Ярославцева действительно был отправлен больше для подстраховки, чем для выполнения реальных боевых задач.

Его даже не укомплектовали до полного штата, исключили ядерное и высокоточное оружие, ограничили легким вооружением, а при инструктаже многозначительно намекнули: что бойцы и вовсе убывают на легкую увеселительную прогулку.

И азм была истина, ведь пока строился комбинат, туземцы вели себя исключительно дружелюбно. Они не только поставляли пришельцам продукты питания, простодушно обменивая их на дешевые безделушки, но и устраивали в честь уважаемых гостей пышные празднества, и даже выдавали замуж за строителей самых красивых девушек. А к суровым парням и девушкам с военной базы они и вовсе испытывали благоговейный трепет. Да и разведотделение отряда не дремало и проводило ежедневный мониторинг общей и частной обстановке на планете. К тому же Костя, для большей надежности, пристигнул к разведчикам нештатного этнографа и лингвиста – ефрейтора Веселову, которая с момента прибытия экспедиции на планету, по личной инициативе начала очень въедливо изучать культурное наследие туземцев. И надо отдать ей должное. Очень скоро она обнаружила в нем весьма странную закономерность: и в языке, и в древних народных сказаниях степных скотоводов довольно четко прослеживалось отсутствие слов для обозначения насильственных действий. Не было в них также и намек на предыдущие распри, ссоры и войны. Только хвалебные здравницы старейшинам рода, прославление героев, вырастивших наибольшее количество скота за сезон, да благодарные оды родителям, воспитавшим трудолюбивое потомство, украшали примитивный эпос туземцев.

А объяснение этому было очень простым: семьдесят процентов всей суши на планете занимали богатые растительностью пастбища. Суровая зима и жаркое лето, провоцировали эпидемии, и численность населения оставалась практически неизменной. Территории, контролируемые племенами, существовали обособлено и практически их интересы пересекались только при меновой торговле.

Пастбищ, корма и воды хватало всем, и воевать на Золотаре было практически не за что.

Поэтому, сопоставив все эти факты, личный состав отряда непростительно расслабился и, естественно, оказался совершенно не готов к ведению долгосрочной военной компании.

– ЭНЕРГИЯ, ЭНЕРГИЯ, ЭНЕРГИЯ!!! – Ярославцев, как молитву, ежедневно повторял это слово. При ее наличии, вокруг базы, без особых проблем можно было поставить силовой экран, перевести лучеметы главного калибра с ручного управления на автоматический поиск и уничтожение целей, активировать молекулярный синтезатор, способный из чего угодно, лепить все блага цивилизации: от батона колбасы до самого современного вооружения...

Константин уже дважды был вынужден запускать аварийный реактор, чтобы связаться с Землей. И оба раза получал от этой процедуры одни лишь разочарования.

При первом видео-сеансе «штабные крысы» из Управления Космической пехоты «обрадовали» его по-полной!

Совершенно спокойно эти беззастенчивые дяденьки сообщили ему о том, что консорциум разорвал контракт и категорически отказался от дальнейшего финансирования экспедиции. Единственным, положительным моментом в этой ситуации было то, что отряд автоматически перешел в подчинение Министерства обороны. И Костя, не замедлив воспользоваться этим, коротенько доложил обстановку, а так же свои соображения на ближайшую перспективу, которые сводились к двум взаимоисключающим решениям. Либо отряд срочно эвакуируется с планеты, либо получает достаточное подкрепление и старается расширить свое дальнейшее присутствие.

Начальство, в свою очередь, поспешило заверить что оно, уже сейчас, не покладая рук, денно и нощно выискивает средства на отправку столь необходимого им подкрепления и выра-

жает уверенность, что капитан и его храбрые подчиненные смогут не только взять планету под свой контроль, но и создать все условия для возобновления золотодобычи.

Высокие чиновники из министерства так же клятвенно пообещали в случае успешного выполнения поставленной задачи солидное вознаграждение всему личному составу отряда, а его командиру досрочное воинское звание.

В конце столь «конструктивной беседы» им приказали держать оборону еще месяц и в одностороннем порядке прервали видео-контакт.

Когда установленный срок истек троекратно, капитан вновь «побеспокоил Землю» и предупредил, что это будет его последний радиосеанс, топлива в реакторе оставалось только на подрыв...

Вышестоящее командование на этот раз было немногословно, но поклялось погонами что, через две недели, ситуация будет все-таки разрешена...

Переливчатая трель радиотелефона застала Константина возле дверей, прикрывающих темную пасть очередного соединительного коридора.

Он так и не успел дойти до третьего уровня, где размещались внешние огневые сооружения.

Капитан неторопливо вынул из накладного кармана маленький наушник и прилепил его за ухо.

– Сер! Капитан Ярославцев! – истошно завибрировал динамик. – Срочно прибудьте на станцию дальнего слежения. Тут такое! ТАКОЕ!!! Мне кажется, что я сейчас сойду с ума.

– Де Базиде! Какого дьявола вы прете в служебную сеть открытым текстом, да еще визжите как недорезанный лионский поросенок, внезапно почувявший трюфеля?!

– Но сер!!!

– Закройте рот. Глубоко вдохните. Сосчитайте мысленно до десяти, и доложите, как положено.

– «Первый»! Я – «Семнадцатый», – после некоторой паузы вновь ожил динамик. – Зайдите на объект сто три, у нас «Четверка» поэтому срочно требуется ваше присутствие.

– Уже лучше. Понял тебя «Семнадцатый». Полное радиомолчание о происшествии. Встречай меня через пять минут.

Ярославцев спрятал радиотелефон в карман и, насколько позволяла прочность проржавевшего настила, рискуя ежесекундно сорваться вниз, побежал по дребезжащему лестничному кольцу к маленькому, ручному лифту.

Он уже добрался до решетчатой двери, когда внезапно почувствовал предательский привкус металла во рту.

Натренированным движением капитан, успел отстрелить страховочный фал с победитовым наконечником на конце. Острие мгновенно вгрызлось и закрепилось в тверди вакуум – бетонной стены. В следующее мгновение он потерял сознание и неуклюже повалился спиной на ограждения. Проржавевшие стойки не выдержали и, с предательским скрипом, обломившись, полетели вниз.

Ярославцев падал аки херувим, широко раскинув руки, но не успел пролететь и пяти метров, как катушка страховочного троса, на штурмовом ремне плавно тормозя, застопорила ход.

Привлеченный шумом Андрианов, матюгнувшись, отстрелил свое страхующее приспособление в потолок купола и, расходуя драгоценную энергию носимых аккумуляторных батарей, за несколько секунд буквально взмыл и завис чуть выше уровня площадки, с которой сорвался командир.

Качнув «маятник», боец твердо приземлился на ее ребристый пол. Один из фрагментов конструкции также проломился под ним и устремился вниз. Андрианов аккуратно выта-

щил ногу из провала. Затем осторожно подполз к краю площадки и стал вручную, подтягивать командира на верх.

Распластав Ярославцева, он не задумываясь, порвал на нем грязный комбинезон и, всадил в сердце, на всю длину иглы, одноразовый, заряженный стимулятором шприц. Капитан выгнулся дугой, захрипел и, резко открыв глаза, перевернулся на бок. Через мгновение его желудок буквально вывернуло наружу. Обильная, зеленая рвотная масса, растеклась по металлическому настилу. Она пульсировала, пищала и меняла формы.

Костя перекатился к стене, а его спаситель хладнокровно выжег из лучемета эту противно верещавшую заразу.

Не проронив ни звука, боец помог командиру подняться, оцепил конец своего фала от потолка и, смотав вручную тросик, загремел ботинками, быстро спускаясь на космодром.

Ярославцев сделал несколько глубоких вдохов, прополоскал водой рот и только после этого освободил свое страховочное приспособление.

«Венерянка» была изобретена военными бактериологами еще столетие назад. Этот боевой бак-препарат классифицировался как специальное средство и применялся крайне редко в основном для умирения взбунтовавшихся колоний. Перед началом боевых действий его скрытно доставляли и распыляли над мятежными районами. Попав в организм живых существ, этот злобный микроорганизм очень быстро размножился в их кишечниках. Когда же количество микробов достигало критической массы, они начинали убивать друг – друга, выделяя опасные токсины. На первой стадии болезнь протекала в легкой форме, и просто выключала сознание зараженных на несколько часов, причем у всех носителей инфекции почти одновременно.

После массовой «отключки» в дело вступали подразделения Космической пехоты. Они осуществляли массированную высадку на планету и, пользуясь полной беспомощностью противника, восстанавливали контроль над взбунтовавшимися территориями.

Примерно через пятьдесят лет, под давлением всевозможных общественных организаций коварный вирус был запрещен, и повсеместно подготовлен к уничтожению. Но разработчики так и не смогли учесть всех последствий его применения. Несмотря на их старания, искусственный штамм упорно не хотел погибать и, в ходе борьбы за свое существование, мутировал, быстро развил признаки коллективного разума и самое печальное: в конце концов, превратился в устойчивую к внешним воздействиям форму жизни.

И хотя личный состав отряда, в обязательном порядке вакцинировали перед отправкой в экспедицию, время действия прививки уже давно истекло, а получить лабораторным путем новую, в столь скотских условиях, не представлялась возможным.

Опасность для больного заключалась в том, что если ему не оказывалась экстренная помощь стимуляторами, а так же сильным рвотным, то после третьего приступа он неизбежно умирал от токсикации.

Болезнь атаковала настолько быстро и внезапно, что отряд уже успел лишиться четверых космопехотинцев. Неделю назад, управлявший электрокаром, сержант Горбунов неожиданно потерял сознания, и машина врезалась в топливную емкость флая. В результате возникшего пожара заживо, кроме водителя, сгорели еще трое техников.

Поэтому Константин категорически запретил любые передвижения по территории базы в одиночном порядке. В фортсооружениях, бойцы несли службу только по двое. Исключение было сделано лишь для Андрианова и его напарницы Грызловой.

Они, каким-то необъяснимым образом, имели к «Венерянке» врожденный иммунитет.

Поэтому, используя эту особенность, капитан с чистой совестью отправлял одного из них каждое утро на одиночный пост при космодроме.

Как только земная цивилизация, совершив в своем развитии головокружительный скачек, приступила к широкомасштабному освоению Космоса, ей как воздух понадобились боевые части, способные отвоевывать для нее все новые и новые жизненно-важные пространства. С этой целью на самой Земле, да и в колониях, на базе обычных пехотных соединений, стали создаваться космические отряды, которые могли бы автономно, долговременно и успешно действовать в тяжелых условиях дальнего Внеземелья. То есть строить военные базы, умирять воинственных обитателей планет, осуществлять охрану торговых космических маршрутов и самое главное – держать в подчинении все это многоликое и беспокойное хозяйство.

Однако с самого начала претворения в жизнь этой грандиозной задачи, человечество столкнулось с такими проблемами, что было вынуждено кардинально изменить не только всю Концепцию земной безопасности, но и принципы строительства и комплектования Вооруженных Сил.

Потому как суровая реальность космического безмолвия внесла в этот процесс свои специфические коррективы.

Времена героев-одиночек, безвозвратно канули в прошлое, и на повестку дня встал вопрос о создании массовой, высокопрофессиональной, наемной армии способной представлять и защищать интересы землян в любой точке Вселенной.

Но на первом этапе вербовка достаточного количества рекрутов оказалась невозможной. Любой, кто примерял униформу «Солдата Вселенной» рано или поздно сталкивался с одной и той же проблемой – ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ.

Ежедневный риск, колоссальные физические нагрузки и постоянное, психическое напряжение превратились для военнослужащих в повседневную норму, и в этой непростой обстановке с особой остротой встал вопрос об обеспечении их нормальными условиями существования и самое главное межличностного общения в рамках того социума, в котором они были вынуждены проходить службу. А так как подготовка этих космических профессионалов стоила немалых средств, то кадровые органы Министерства обороны были кровно заинтересованы в том чтобы, как можно большее количество контрактников отслужило максимально положенный срок. Поэтому во главу угла всей кадровой политики был поставлен простой, но действенный принцип: «На передовой боец должен чувствовать себя как дома!». И Министерство было вынуждено не экономить на создании комфортных бытовых условий для своих подчиненных, и реально обеспечивало их всем необходимым.

Намного сложнее, не смотря на колоссальную финансовую подпитку, оказалось, решать проблемы межличностных отношений в обстановке постоянного боевого стресса.

И сколько бы ни спорили между собой военные психологи, но они, как в служебное, так и внеслужебное время, сводились к трем ключевым словам: «Секс, дружба, семья».

Методом проб и ошибок лучшие военные аналитики разработали, и внедрили довольно успешную программу, которая могла бы ответить этим требованиям.

Основываясь на ее принципах, любое боевое подразделение обязательно комплектовалось равным количеством женщин и мужчин, которые с учетом их психологической совместимости объединялись в пары. Первоначально отношения внутри этой микро-группы должны были строиться чисто на служебной основе. Однако если бойцы проникались взаимной симпатией друг к другу, то секс между ними не возбранялся. Занимайтесь на здоровье! Только не снижайте боевой активности и, самое главное, не выносите личный мусор из избы, и уж тем более не вмешивайтесь во взаимоотношения одиночек или таких же, как вы пар.

И, не смотря на самые пессимистические прогнозы, процесс пошел, и сдвинул проблему с места, снизив практически до минимума количество самоубийств среди личного состава!

Один лишь этот факт уже порадовал командование.

Кроме того в первый год действия программы в войсках начала формироваться тенденция, когда ни к чему не обязывающие симпатии постепенно перерастали в более серьезные

отношения и заканчивались подписанием брачных контрактов. Боевые двойки превращались в спаянные тактические единицы, которые в последствие легко объединялись в более крупные подразделения.

Но спустя некоторое время наружу стали вылезать неизбежные побочные эффекты этой смелой реформы. Почти повсеместно успевшие довольно сильно притереться друг к другу сослуживцы переживали сильнейший психологический стресс, если теряли напарника, а после двух, трех замен, вообще наотрез отказывались от рекомендуемого кандидата, и осознанно подписывали так называемый «контракт безбрачия» намеренно обрекая себя на одиночество.

Став «отверженными» они отнюдь не комплексовали по поводу своего нового статуса и постепенно объединялись в «стаи», где совместно проводили свободное время, жили коммуной, вступали в беспорядочные половые связи в границах своего негласного сообщества...

В общем, развлекались, как могли.

В служебном отношении эти стихийные образования, мудро переформированные армейскими отцами-командирами в отдельные подразделения, практически не причиняли им лишней головной боли. Находясь в резерве, они не блистали высокой воинской дисциплиной, но на поле боя дрались слаженно, упорно и бесстрашно, словно верили в собственное бессмертие.

Поэтому высшие чины министерства намеренно закрывали глаза на чудачество одиноких «Волков» и «Волчиц», и всячески поощряли их присутствие в отрядах.

За примером далеко ходить не стоило. Уже известная нам, старшина второй статьи Сомерс потеряла своего первого «друга» в аккурат через полгода после выпуска из учебного подразделения. Следующий напарник, погиб через месяц...

Отобранный и рекомендованный в третий раз, продержался четыре года, и даже успел обменяться с мулаткой обручальными кольцами.

Его смерть Дона сумела пережить только после интенсивного курса психотерапии.

Немного оправившись, она окончательно избавилась от иллюзий и очень скоро самопелась в разряд «Волчиц».

Но кроме «Волков» и обычных «боевых двоек» в войсках постепенно сформировалась каста так называемых «Карьеристов». В отряде в их ряды смело можно было зачислить господ: Ярославцева, Поленцову, Бухарина, и еще пару – тройку офицеров имеющих твердое намерение стать генералами. Они уже в училищах, решив всецело посвятить себя военной карьере, подписали «Контракты безбрачия», и теперь совершенно не скованные никакими обязанностями перед напарниками, без остатка отдавали себя службе исключительно на командных должностях, и можно сказать довольно таки успешно, по сравнению с остальными, продвигались по ее скользким ступеням наверх. «Карьеристы» по праву считались элитой Армии.

Как правило, они отбирались в возрасте семи лет из сиротских приютов и помещались в специальные военизированные интернаты, где к своим восемнадцати годам становились почти, что профессионалами в вопросах индивидуальной подготовки, получали сержантские нашивки и обладали уверенными командными навыками. Они не шли ни в какое сравнение с гражданскими волонтерами, которые только к совершеннолетию получали право на поступление в учебные школы рядового состава, и заключение первого контракта.

Эти лишенные детства маленькие солдатики в будущем исправно пополняли кадровый костяк Вооруженных Сил и были его цементирующей основой.

Крайне редко, не смотря на категорический запрет со стороны командования, случались в армии и исключения из правил. В нарушение всевозможных инструкций некоторые юноши и девушки уже на первом курсе военно-образовательных учреждений умудрялись тайно связать себя священными узами Гименея. Такие пары в служивой среде уважительно именовали «Женатиками». Отношение остального коллектива к ним было трепетное и бережное, ведь добиться разрешения на соединения двух сердец до сдачи выпускных экзаменов было факти-

чески невозможно, а нарушителей закона, если информация доходила до начальства, насильно разлучали и отдавали под суд.

Однако предать «Женатиков» считалось несмываемым позором для будущего космопехотинца. «Стукачу», осознанно или по неосторожности, допустившему такую оплошность, никогда не удавалось избежать расплаты. В любом случае, в назидание другим, он погибал при весьма загадочных обстоятельствах.

В конце концов, Космические войска постепенно оформились в отдельный вид Вооруженных Сил со своими уставами традициями и спецификой выполняемых задач. Однако полностью продумать и предусмотреть все нюансы в их повседневной жизнедеятельности, несмотря на титанические усилия государственных мужей с большими звездами на погонах, было практически невозможно. Как бы они не старались, а низовые подразделения Космической пехоты, непосредственно выполнявшие боевые задачи на передовой, были вынуждены большую часть времени вариться в собственном соку при этом всецело завися от личных качеств своих отцов-командиров. Вот поэтому в глухих уголках Внеземелья, когда до ближайшего штаба было несколько месяцев полета, любые возникшие проблемы всегда решались своими силами, и только после о случившемся докладывалось начальству.

Здесь еще стоило бы отметить, что история становления и развития Космической пехоты знавала моменты, когда не только отдельные бойцы, но и целые подразделения, по каким-то причинам нарушив присягу, выходили из подчинения центра и даже поднимали вооруженные мятежи. Случалось даже, что во главе таких вот, стихийно возникающих волнений становились и командиры отрядов. И в той, и в другой ситуации на их подавление отправлялись батальоны Звездного спецназа, в задачу которых, помимо карательных акций, входили вопросы и информационной изоляции истинных причин этих, не прибавляющих авторитета Армии, происшествий.

И если говорить уж по совести, без оглядки на условности, то проблем хватало у всех: и у маршалов, и у «Ванек – взводных»...

Нередко генералы ставили перед подчиненными такие задачи, что последним было впору застрелиться. Иногда целые подразделения исчезали в угоду политических просчетов руководства или, что самое страшное, в результате незаконной коммерческой деятельности отдельных военных чиновников. Но на войне как на войне, а солдат, как известно, ее – паскуду не выбирает.

Отряд, которым капитан Ярославцев имел честь командовать вот уже четвертый год, по праву считался одним из лучших подразделений Космической пехоты и состоял на особом счету у высших чиновников из Министерства Обороны.

Даже Главком Вооруженных Сил – первая величина после Президента Объединенной Космической Федерации знал о нем не понаслышке и уважительно называл подчиненных Константина Сергеевича: «Ангелами Тьмы».

Однако соединение не сразу заслужило столь громкое и почетное наименование. До появления в нем Ярославцева оно представляло собой обычную воинскую часть с казенным личным номером и формальной словесной аббревиатурой. Но «Ярость – 111» сразу не понравилась амбициозному лейтенанту и он решил, во чтобы, то, ни стало сменить это неблагозвучное наименование.

Начав службу снайпером в рейдово – диверсионной группе Константин сразу же снискал себе славу бесстрашного и очень надежного офицера готового, если понадобится, и к черту в задницу залезть, ради выполнения поставленной задачи.

Но на войне взрослеют рано! И через восемь лет беззаветного служения Отечеству он в корне изменил свои личные принципы к организации боевых действий, и уяснил как «Отче наш...», что самое бесценное достояние командира – это его подчиненные, а успех любой операции напрямую, помимо боевой выучки, зависит от их морально-психологических качеств,

атмосферы царящей в коллективе, и доверия к своему начальнику. Все остальное – шелуха, показуха и ложь.

Возглавив четыре года назад отряд, Ярославцев успел за столь короткий срок вылепить из своих бойцов настоящих Ангелов, тех с кем было невозможно соперничать, ни в умении уничтожать противника, ни в проявлении милосердия к побежденным.

По сравнению с другими воинскими коллективами, они никогда не допускали неоправданной жестокости, терпимо относились к военнопленным, не притесняли без веской причины гражданское население.

Ангелы существовали в собственном, ими же созданном мире, со своей системой ценностей и понимания жизненного смысла. Их межличностные отношения не замыкались рамками обособленного и куцевого мирка боевых двоек, а строились на обостренном чувстве здорового коллективизма, доверии и бескорыстной взаимовыручке. Однако эти довольно демократичные принципы, как ни странно, совершенно не подрывали воинскую дисциплину и не препятствовали беспрекословному подчинению.

Все дело в том, что они несли в себе естественный, и глубоко осознанный смысл, основываясь, прежде всего, на безоговорочной вере бойцов в своих командиров, которые в свою очередь так же старались всеми силами оправдать оказанное им доверие и очень много времени посвящали совершенствованию собственных профессиональных навыков, прекрасно понимая, что любая, даже самая незначительная ошибка во время боя, почти всегда будет оплачена немалой кровью подчиненных.

Поэтому структурно отряд был жестко поделен на элитную группу руководителей, стоявшую над сверхэлитными, не допускающими сомнений, исполнителями. Всем остальным дорога к Ангелам была закрыта.

Ярославцев ревностно следил за профессиональной пригодностью своих подопечных и лично отбирал кандидатов на замещение вакантных должностей. А если вдруг по какой-то причине его обходили кадровики, то он никогда не ленился брать под личный контроль каждого навязанного ему новобранца. Поэтому трусы, махровые карьеристы и негодяи, а также случайные люди в отряде не задерживались! Они просто отсеивались во время испытательного срока.

В начале формирования этой военной коммуну две третьих личного состава, посчитав Константина неисправимым идеалистом, накатали рапорта, и ушли в другие части...

Вскоре вернулись те, кто остался в живых.

Все в этой жизни познается в сравнении и, столкнувшись с нравственным беспределом, деспотией и неуважением со стороны новых начальников, Ангелы решили принять более простые правила игры. К тому же большинство из них, как и Ярославцев, были воспитаны в военнизированных детских домах или нищих колониальных семьях, где в досталь успели хлебнуть лиха.

Капитану не пришлось ничего изобретать. Он предложил им совершенно иную поведенческую идеологию, пусть немного сказочную, в меру наивную и почти недосыгаемую, однако всецело зависевшую от их старания и упорства. И не ошибся.

Бойцы очень быстро привыкли к новым правилам и впервые обрели как душевный покой, так и истинное понимание своего жизненного предназначения.

На самой вершине купола, в многометровой толще вакумбетона, размещалась, напичканная аппаратурой, рубка локационного центра внешнего слежения. Именно оттуда и вышел на связь с начальником отряда лейтенант Мишель де Базиде.

Теперь же наш храбрый француз взволнованно метался по тесному помещению, ежеминутно тычась горбатым носом в наручные часы.

Его напарница, немного худощавая коротко стриженная и вульгарно обесцвеченная девица, напротив, спокойно дремала, покачиваясь в натянутом между аппаратных стоек, гамаке.

– О боже Шарлота! Восьмая минута на исходе и где его черти носят?! – Мишель страдальчески воздел свои длани к потолку.

– Милый, – девушка лениво приоткрыла глаз. – Ради святого Патрика, сядь и не мельтеши! «Папочка» сейчас появится.

– Вот теперь то, когда мы с тобой «на коне», я ему все и припомню! И козни «Братьев – славян» во главе с Ратибором, и...

– Кому, и что ты собрался припоминать? Горе ты мое, луковое. Ну, обозвал тебя Дормидонтыч шовинистом? Не бери в голову, ведь он не со зла. Сейчас у всех нервы как струны, только тронь...

– Да на этих придурков с их славянской идеей я вообще решил не обращать внимания. Слишком много чести! Меня больше задела «папина» реплика о «нервно визжащем Лионским поросенке»? Слышала, небось?! – обиженно спросил рассерженный муж и плюхнулся в операторское кресло.

– Ха! А я бы, на месте «папочки», и вовсе тебя по нашей парижской матушке приголубила, а потом отправила бы в карцер, суток так на пять, за нарушение правил радиопереговоров в открытой сети. – Лениво проворчала супруга и вдруг, словно пробка от шампанского, выпрыгнула из гамака:

– Встать! Смирно! На палубе офицер!

Де Базиде вытянулся как кипарис, и тут же спрятал свои амбиции подальше. Ярославцев тяжело дыша, оперся плечом о косяк двери. Пот градом катился по его лицу.

И хотя действие вколотого Капустиным стимулятора продолжалось, организм, истрепанный недосыпанием, нервным напряжением и приступами болезни, стал сдавать.

– Вольно бандерлоги! Механизм попался несмазанный, пока крутил ручку подъемника в лифте, чуть сердце не выплюнул через горло.

Мишель и Шарлота, подхватив его под руки, отволокли вглубь помещения и усадили в кресло.

– Разрешите доложить! – де Базиде, не дав начальнику толком отдышаться, высоко задрал нос, и торжественно изрек: – Нами зафиксирована новая отметка сер! – он быстро переместил гнутую проволочную указку к экрану локатора и скромно добавил: – Она обнаружена мной, ЛИЧНО.

– Как давно вы ее засекли? – Ярославцев, стараясь не тратить попусту время, хотел выяснить для себя самое важное.

– Ровно десять минут назад. – Француз для подстраховки посмотрел на часы.

– При каких обстоятельствах?

– Она вынырнула из гиперпространства и дала четкий инверсионный след, по которому нам достаточно точно удалось определить траекторию ее полета.

– Хм-м. Прекрасно, – Костя задумчиво потер давно не бритый подбородок, – и куда же она летит?

– Да пряменько к нам! – нервно закашлялся Мишель.

– Надеюсь, вы успели рассчитать время ее подлета к базе?

– Конечно, сер! – откликнулась Шарлота. – По моим прикидкам это произойдет через три часа.

– А характер цели? – засомневался капитан.

– Увы, пока мы не смогли его определить. Контакт очень неустойчивый.

– Тогда, чему вы радуетесь господа паникеры? Вы вполне могли принять за отметку обычный метеорит, а теперь, до конца не разобравшись, еще пытаетесь и меня убедить, что это корабль?!

– Ни как нет сер. Космические тела естественного происхождения не могут преодолеть гипер – пространственный барьер. – Назидательно, словно заслуженный лектор, проворчал де Базиде. Он оканчивал военно-инженерное училище и, при любом удобном случае, старался козырнуть тем что, в отличие от Ярославцева, не принадлежал к числу «тупорылых командников», умевших «только гавкать на подчиненных и полить, куда не попади, из лучемета». Теперь же гордый француз не замедлил выложить свой главный аргумент: – И хотя на наш запрос объект так и не ответил, система опознавания «свой – чужой» все же выдала положительный результат.

– А вот это уже кое-что! – не на шутку заволновался Ярославцев, разминая пальцами сигарету. – Но смею возразить на ваше замечание, мой уважаемый космогосптеоретик. В своей летной практике я дважды сталкивался с явлением, когда средних размеров болиды по каким-то причинам прорывались в обычный космос из гиперпространства.

– Да, такое вполне возможно, – вежливо поддакнул Шарлота.

– Я тоже полностью согласен с вами, сер. – Сделал вид, что пошел на попятную француз, однако терпению у него хватило не надолго, и он тут же ринулся в контратаку: – Однако осмелюсь вам напомнить, командир, что система «свой – чужой» никогда не ошибается. – Де Базиде многозначительно умолк, наблюдая за реакцией командира.

– Я знал об этом еще до поступления в «кадетку», – спокойно ответил Ярославцев. Несдержанность французского его отнюдь не раздражала.

– Более того, я ведь совсем недавно усовершенствовал ее и теперь могу утверждать точно: это транспортник сер! Средний транспортник! Возможно, он везет нам подкрепление. Но даже если он и пустой, как мой желудок, запасов горючего на его борту будет достаточно, чтобы в корне изменить ситуацию! Меня чуть «Кондрат не хватил», когда я прочел электронную расшифровку запроса! – в запале начал кричать и восторженно жестикулировать руками офицер.

Шарлота, не заметно от начальника двинула его по почке и, с озорной улыбкой, подытожила:

– Сер, по-моему, самое время начать подготовку к встрече гостей.

Резкий зуммер и мигание панелей на самом большом приемнике заставило всех умолкнуть.

Девушка пантерой прыгнула к клавиатуре.

На мониторе компьютера с одинаковым промежутком начали высвечиваться скупые цифровые группы кодируемой информации.

– Ангелы, производиться контрольный радиосеанс. Ваш сигнал получен. Запрашиваю закодированный пароль, – облизывая сухие губы, затараторил де Базиде, считывая и, на ходу, расшифровывая цифровые сообщения.

– Сто сорок четыре, семь, омега, – спокойно выдал ключевой набор Ярославцев.

Шарлота быстро отстучала на клавиатуре.

– Есть подтверждение, – Мишель тут же переключил режим работы радиосвязи на «громкую», и Константин смог общаться с радистом корабля «в живую».

– Сообщите нам свой вариант посадки, – незамедлительно потребовал капитан.

– У нас серьезные проблемы сер! Отказали два маневренных двигателя. Везем топливо и личный состав. Загружены под завязку. Посадка возможна только с первого захода. Готовьте причал.

Мишель и Шарлота переглянулись.

– Хо – ро – шо! – как можно медленнее произнес Ярославцев. – Мы скорректируем ваше снижение. Конец связи.

– Принято! – радист с корабля отключился и в рубке воцарила тишина...

– Сер! – первым как всегда не выдержал де Базиде. – Меня раздрает дурное предчувствие, и почему-то, кажется, что все происходящее здесь очень смахивает на самоубийство?

– Возможно, – отмахнулся капитан. Он ни на секунду не прекращал анализировать полученную информацию и сделал знак подчиненным, чтобы те немного помолчали...

Обстановка действительно складывалась не в их пользу. Корабль, спешащий им на выручку, представлял собой грудю плохо управляемого железа, с ядерным топливом на борту. Однако винить его командора в случившемся не стоило, он был запрограммированным, одно-разовым андроидом с урезанными жизненными функциями и ограниченной системой энергопитания. Ярославцев так же знал, что в последнее время в дальние экспедиции отправляли только списанный хлам, и неустрашимые поломки случались на борту звездолетов довольно часто. Тем более что по инструкции после прибытия в точку назначения, транспортники подлежали обязательной энергетической переработке. Использовать столь малые корабли в много-разовом варианте для межгалактических перелетов было не рентабельно.

– Шарлота? – начальник решительно поднялся из кресла. – Включи «громкую» и дай разброску ключевых постов на свой монитор.

Девушка быстро выполнила его команду.

– Господа космопехотинцы! Внимание и повиновение! – голос начальника загрохотал по помещениям и отсекам. – Примерно через три часа на космодром прибудет корабль с обещанным подкреплением. Однако праздновать победу нам пока еще рановато. У тех, кто мчится к нам на помощь, возникли очень большие неприятности. На транспортнике одновременно отказали два маневренных двигателя. Поэтому, в целях успешного выполнения подготовительных мероприятий, объявляю общий аврал. Во внешних фортсооружениях оставить по одному вахтенному, остальному личному составу приказываю прибыть на боевые посты и начать подготовку всех систем и модулей к швартовке.

Ярославцев отключил «громкую» и, с помощью селектора и монитора, стал связываться с командирами групп, отдавая им предварительные распоряжения:

– Рогов?

– Я, сер.

– Бери всю реакторную команду и через полчаса докладываешь мне полную информацию о запасах мезона.

– Мы каждые сутки докладывали дежурному кеп! – развел руками главный энергетик.

– Отставить репирательства капитан! – рявкнул Ярославцев, отсекая подчиненного. – Мне нужны точные сведения. До миллиграмма. Слышите?! До последней молекулы! И самое главное, скажите, сколько сможет проработать реактор в режиме обеспечения швартовки?

– С учетом отключения всех остальных потребителей, примерно сорок секунд, – не задумываясь, ответил Рогов.

– А точнее?! – потребовал Константин.

– Доложу через полчаса.

– Андрианов? Космодром?! Отвечайте первому, – запросил он следующего абонента.

– Да, сер, – пробился сквозь помехи голос часового.

– До прибытия причальной команды залейте горючее из неприкосновенного запаса в тягач. Как только появятся Славяне, передайте им мой приказ: за час очистить космодром от флаев. Пусть распахают их по боксам. Тягачом управляете лично. Остальных предупредите: если только попробуют дотронуться до рычагов я им лично руки до плеч повырываю! Рулежку внутри боксов будите осуществлять исключительно вручную.

– Вручную толкать уж больно тяжело! Пупки то чай не казенные.

– Ничего, не надорветесь. По окончанию работ подготовите все необходимое для постановки карантинного экрана. Старший у вас – Дормидонтов.

– Есть сер!

Ярославцев вырубил переговорное устройство и, больше не проронив ни слова, бросился на выход.

Пользоваться ржавым лифтом он не стал и, съезжая особым способом по перилам соединительных трапов очень быстро оказался на втором ярусе, где в конце одного из магистральных коридоров размещался аварийный командный пункт.

Теперь ему оставалось только одно – взять под жесточайший контроль все действия подчиненных и не упустить ничего, что впоследствии могло бы повлиять на качественное выполнение поставленной задачи. Потом, когда начнется швартовка и счет пойдет уже на секунды, его присутствие станет не обязательно. Гарнизон либо отработает как часы, либо похоронит себя собственными руками.

Маленький, бронированный отсек в котором был оборудован командный пункт, запитанный от одноразовых, аварийных батарей, ожил в течение нескольких секунд.

Отдраив дверь, капитан выждал, пока система расконсервации стравит наружу излишнее давление, и резво запрыгнул в крутящееся кресло-качалку, расположенное перед огромным контрольным экраном.

Разогреваясь после длительного перерыва тот, в свою очередь, уже успел поделиться на ячейки по количеству отсеков, постов и помещений базы.

Ярославцев поудобнее улегся в кресле, придал ему оптимальный угол возвышения и, водрузив на голову командный нейрошлем, опустил на глаза проекционную пластину. Теперь, через ее прозрачное стекло он мог одновременно наблюдать за всеми ячейками экрана или при желании фиксировать внимание только на одной. Указывая пальцем на отсеки и посты, которые не привлекались к швартовке он, отключал их, снижая количество информационных окон до минимума. Вскоре экран стал похож на беспорядочное шахматное поле. Убрав темные квадраты, Константин сгруппировал оставшиеся в одинаковую по размерам соту, потом распределил их по мере важности и максимально укрупнил изображение.

На пластине высветились первые доклады с мест. Он в течение пяти минут, проштудировав их в ускоренном темпе, убедился в том, что основные узлы, агрегаты и комплексы базы, были готовы к швартовке.

Затем, не суетясь, точными и выверенными движениями пальцев начал отдавать по встроенной в подлокотник клавиатуре письменные распоряжения, одновременно используя голосовую связь для непосредственного общения с подчиненными, от действий которых зависел успех всей операции:

– Главный корабельный инженер?

– Да сер.

– База расконсервирована?

– Так точно, – бодро отрапортовал капитан Брендон, однако его кислая физиономия заставляла в этом усомниться.

– Что-то не так?

– Так-то, оно так, – нехотя выдавил из себя капитан, – но у меня нет уверенности в том, что Славяне за это время успеют подготовить причал, а мистер Кочетыгов запустит реактор на имеющихся остатках топлива.

– Кто выдумал эту чушь?!

– Сер! Старший причальной команды капитан Дормидонтов. Это я заставил усомниться главного инженера. И причина здесь одна. Даже если мы вовремя подготовим причал, это ничего не решит. Топлива в реакторе настолько мало, что мы вряд ли сумеем его запустить.

– Понял! Празднуем труса! – вскипел Ярославцев. – Вместо того чтобы действовать ищем кучу оправданий?!

– Ни как нет, сер!

– Тогда почему до сих пор неподготовлены термокостюмы?

– ...

– Энергия – это не ваши проблемы! Господь, в моем лице, отмеряет вашим ореликам сорок секунд на всю операцию. Если не уверены в собственных силах, заявите об этом прямо сейчас, и уматывайте, к чертям собачьим, на стены. Обойдемся, как-нибудь, без вашего участия. Я, по крайней мере, буду знать заранее и постараюсь заткнуть эту брешь многопрофильниками.

– Нет необходимости сер! Мы вполтину перекроем норматив. А если не уложимся, можете смело снимать меня с должности.

– Если вы не уложите уважаемый, снимать с должности будет некого. Хорошо! Принято капитан. Действуйте!

Однако, не смотря на решительный тон отдаваемых распоряжений, сомнения, запавшие в души подчиненных заставили Ярославцева призадуматься: а действительно ли он все правильно просчитал?! Неужели инженеры правы и топлива может не хватить даже для аварийного запуска реактора? Хотя, спецы тем и отличались от остальной космической братии, что постоянно перестраховывались и никогда не шли на риск. Если уж прописано в эксплуатационных журналах, что конструкция может выдержать строго определенную нагрузку, зачем испытывать судьбу и увеличивать ее в полтора раза?

Костя не зря пригрозил Дормидонтову тем, что откажется от его услуг и обратиться за помощью к многопрофильникам.

Эти господа, имея базовые знания, почти по всем эксплуатационным специальностям, не гнушались на смелые эксперименты и почти всегда добивались успеха. Ну а если вдруг по какой-то причине проваливали задание, то проделывали это с таким треском, что после даже самая взыскательная комиссия была вынуждена признать, что они приложили максимум усилий для достижения положительного результата.

– Кочетыгов? – спросил Константин реакторный отсек.

Ему никто не ответил.

– Дежурный по объекту?

– Я, сер!

– Немедленно разыщите мне этого истребителя беляшей и пончиков, и передайте, чтобы срочно вышел со мной на связь!

– Ну да! Попробуй его сейчас отыщи! – обиженно посетовал себе под нос старший лейтенант Карлеоти. – Этот раздолбай на радостях наверняка уже отключил свой «Маячок» и зашкерился где-нибудь в укромном местечке, дожевывая втихаря свой последний бутерброд.

Ярославцев уже начал терять терпение, когда всю ширь экрана перед ним предстала заморенная хроническим недосыпанием физиономия отрядного инженера-энергетика.

– Товарищ лейтенант, и где же вы изволили пропадать все это время?!

– А чего здесь такого? – немного развязано пробасил офицер, но напоровшись на испепеляющий взгляд командира, торопливо заоправдовался вытирая рукавом замасленные губы:

– Я тут прикорнул чуток, так, самую малость...

– Ладно, проехали! – смилостивился капитан. – А теперь быстро и не задумываясь, что скажешь каналья по поводу нашего сдохшего реактора?

Офицер с нескрываемым пофигизмом поскреб пятерней грязную, обросшую макушку и беззастенчиво выдал:

– Если по правде, то я в растерянности сер. По моим подсчетам, как ни крути, но на остатках топлива наш «старичок» даже не сможет запалить мезонные горелки. Если же, как вы надеетесь, произойдет чудо, и они вдруг запустятся, я успею прогреть контур и использовать высвободившуюся энергию в течение полноценных сорока семи секунд.

– Только дураки надеются на чудо! Ты лучше все как следует, просчитай и попробуй спровоцировать цепную реакцию простейшим микровзрывом. – Посоветовал Ярославцев.

– Это, как это?

– А вот, так это! – передразнил его капитан. – Я тупорылый командник, и то готов привести тебе с десятков примеров подобных, удачных запусков.

– Да-а-а?! Возможно, микровзрыв и позволит достичь ожидаемого результата. Но куда девать пятидесяти процентный риск? Если я ошибусь, хотя бы на сотую в расчетах...

Тогда уже точно – трах – тибидях и кирдык – хана! – Виталий для убедительности своего заявления провел большим пальцем по горлу.

– При самом благоприятном раскладе разрушим активную зону, а то еще и гроыхнем на всю Вселенную.

– Не гроыхнем. Все! Дискуссия окончена! Бери себе в помощь любую светлую голову отряда, плюс нашего суперпрограммиста Циснецкого, и бегом к бортовому компьютеру. Через два тридцать докладываешь мне о готовности реактора к пуску.

– Есть сер! – Кочетыгов хоть и скривил недовольную рожу, но возражать больше не стал. Командир всегда прав! Гроыхнем? Да запросто! Тем более что порядком, измученный отсутствием коммунальных благ, сыростью и холодом, Виталий был готов заложить свою душу кому угодно в обмен на восьмичасовой отдых в тепле, бутылку пива и батон свежесдобитого хлеба с хорошо прокопченной колбаской.

– Кассио! Венера! Пока ваш начальник производит расчеты, преступайте к подготовке всех систем реактора... Вижу... Очень медленно... Да плевать я хотел на инструкции... Не взлетим... Причал... Не слышу? Дормидонтов! Повернитесь лицом к монитору... Я прекрасно понимаю что вам некогда, но ваша задница не даст мне положительного ответа... Проверили швартовые зажимы?... Хорошо, вижу. А клеммы?... Замечательно!... Обработали восстановителем переходники?... Где взять?! Рожайте сударь!... Да мне плевать, что вы обо мне думаете!... Что, значит, пробьем сильным электрическим разрядом? А если сплавите? На складе других ведь нет... Эта проблема решается элементарно... Правильно! Наконец-то вы начали мыслить... Согласен! Используйте весь аварийный запас жидкого кислорода из флаев для каталитической реакции. О, черт! Держите Андрианова... Какой приступ «Венерянки»? Не пудрите мне мозги, эта хворь на него не действует. Он же уснул за рычагами сволочь! Вколите ему стимулятор и дайте разок в «бубен», на собственном опыте знаю, снимает сон безотказно. Старшина Сомерс! Отвечайте «Первому».

– «Сороковая» на связи сер.

– Как наши братья туземцы? Что новенького на валу?

– Никаких признаков беспокойства.

– Великолепно... Томазо! Зашиваетесь? Да не ори ты как бык в сарае... А кому сейчас легко... Нет у меня лишних людей! Нетути. Вышли все... Что, Веселова опять в отключке? ... И Геворкян говоришь, откинулся? А, ну доверни камеру... Понятно. «Ромео и Джульета», финальная сцена.

Немедленно прекратить все работы. Через пять минут пришлю двоих. Без них не начинать. Комендант?!

– Я командир.

– Слушай внимательно Бухарин. Снимешь с восточной стены еще двух вахтенных. Сам идешь туда и вместо них садишься за лучеметы.

– Понял командир...

Когда работы на всех участках стали неумолимо приближаться к финалу, Ярославцев решил немного отвлечь внимание подчиненных, и провел краткий инструктаж:

– Ангелы! Все посмотрели на меня... Я, сказал ВСЕ!!! Андрианов проснитесь, из вашего открытого рта уже вытекло полтонны слюней...

Да не лечите вы меня! Я же знаю, что он умеете спать с открытыми глазами... Итак, прошу внимание господ. К швартовке прибывающего транспортника мы подготовились должным образом. Теперь главное для нас удержать ситуацию под контролем. Не скрою, успех всей операции напрямую зависит от слаженных действий причальной команды и нашего чудо богатыря лейтенанта Кочетыгова. Поэтому предлагаю поддержать его угасающий оптимизм нашими бурными и продолжительными аплодисментами, ибо, сегодня наши жизни по воли случая оказались в его, кое подо что, заточенных руках.

Все, без исключения, рассмеялись и разродились жидкими, нестройными аплодисментами. Сам же Кочетыгов крайне смущенный таким вниманием к своей персоне, неуклюже отклонялся в монитор.

– Достаточно! – прервал веселье Константин. – До подлета транспортника осталось полчаса. Де Базиде, примет командование базой, и за десять минут до начала швартовки оповестит личный состав. Кто уже закончил подготовительные работы разрешаю отставить по одному вахтенному и в полглазика подремать на постах. И самое важное, на что бы я хотел обратить ваше драгоценное внимание господ! Уж кто-кто, а я-то знаю вас как облупленных. Вас ведь хлебом не корми, дай только повыпендриваться перед молодежью. А на транспортнике десять против одного, к нам придут необстрелянные резервисты. Поэтому категорически запрещаю козырять перед ними своей выслугой и уж тем более профессионализмом. Зазнайка не самый лучший способ добиться взаимоуважение и понимания. Ваша задача окружить их таким вниманием, чтобы даже самый распоследний «интеллигент-ботаник», или в попу идейный «раздолбай-пацифист», отмобилизованные нашим славным Министерством обороны насильно, сразу поняли, что попали в здоровый воинский коллектив, а не в деморализованную и окончательно разложившуюся банду. Особо непонятливым советую вспомнить свои ощущения в тот первый день, когда вы прибыли в отряд. На некоторых из вас тогда, без слез смотреть то, было невозможно. Это сейчас вы все герои... Хотя никто в этом и не сомневается. Однако нам, желаем мы этого или нет, в первое время не только придется нянчиться с новобранцами, но и налаживать вместе с ними нормальный армейский быт. Запомните: других уже не пришлют. Поэтому будем работать с теми, кто есть. Все меня поняли?!

С экранов угрюмо закивали.

– По рабочим местам, – Ярославцев занял более удобное положение в кресле и запросил начальника связи отряда: – Лейтенант де Базиде?

– Да, командир?! – тут же откликнулся француз.

– Волнуешься? – сочувственно поинтересовался капитан.

– Не без этого командир. Тут еще, как назло, компьютер сдох, едва успев просчитать программу. – Посетовал офицер. – Придется осуществлять посадку гостей вручную.

– Утверждается. Допустимая погрешность, после которой на причале возникнет аварийная ситуация?

– Пять секунд.

– Не густо Мишель, но не безнадежно. Переключи громкую связь на себя. Пусть Ангелы слышат твой голос. Внимание всем! Временно передаю командование базой Начальнику связи отряда.

– Есть сер. – Де Базиде встал у панели управления космодрома и положил свои ладони на светопланшеты: – Ангелы! Полное радиомолчание. Предупреждаю: дублирование команд, только единожды. Дважды повторяться ни для кого не буду. Кочетыгов готов?

– Да сер.

– Дормидонтов?

– Порядок.

– Шарлота?

– Захват цели устойчивый. Приступаю к наведению в трех плоскостях. Гипноконтакт с пилотом транспортника устойчивый.

– Остальным на постах стоять, к встрече груза и швартовки – ТОВСЬ! С Богом бра-тишки...

Ярославцев непроизвольно восхитился и подумал: «Совсем обрусел наш Шевалье. Если дело и дальше пойдет такими темпами, то Славяне уже через месяц – другой обязательно посвятят его в Браты».

Теперь, оставшись не у дел, он снял нейрошлем, увеличил изображение на весь экран и, шлепая клавиатурой, решил понаблюдать за подчиненными, прощелкивая отсек за отсеком.

А на причале, тем временем, народ спешно заканчивал молебен. Отец Петр, наскоро облаченный в рясу, благословлял отроков на подвиг ратный и обильно кропил их святой водой.

Упакованные в термокостюмы космопехотинцы сперва должны были зафиксировать корабль тросами и только после этого подвести мощные причальные клешни-зажимы, чтобы намертво пришвартовать его в вертикальном положении. Затем как можно быстрее подключить клеммы и запитав базу от энергоустановки звездолета, приступить к перекачке мезонного топлива в емкости запущенного аварийного реактора.

Команде, выполнявшей эту сложную задачу, предстояло действовать сокращенным составом, и если кто-то вдруг не успевал выполнить свою операцию, или допускал ошибку, то исправить ее было уже невозможно.

Максимально заполненный топливом звездолет, при удачном приземлении, через раскрытую крышу купола, с помощью маневренных двигателей, плавно опускался на уровень причала.

Затем, погасив сопла, зависал, в нескольких метрах от пола удерживаемый снизу гравитационной подушкой. Время действия силового поля строго ограничивалось работой аварийного реактора. В случае же его полной остановки транспортник неизбежно проваливался вниз, и взрывался вследствие детонации всего имеющегося на борту мезона.

Дормидонтов, терпеливо дождавшись окончания обряда и поблагодарив Отца Петра, построил подчиненных перед собой в одну шеренгу для последнего уточнения задачи.

Константин слышал даже через переговорное устройство, как взволнованно хрипят выпускные клапаны на их теплозащитных масках.

Немного выждав Ратибор, вместо заезженных казенных фраз, произнес краткую, зажигательную речь и азартно поднял вверх правую руку. Один из технарей тут же сорвал маску и поднес внушительный, старинный рог к губам.

Печальный и протяжный звук испуганно заметался под куполом базы. Славяне, взревев как стадо мамонтов, обменялись друг с другом объятиями и сыпанули по местам.

Ярославцев едва не обронил умиленную слезу и немного погодя переключился на реакторный отсек.

В тесном и плохо вентилируемом помещении он узрел взволнованного до предела Кочетыгов, который неотрывно пялился на контрольный экран пускового пульта.

Для активации энергетического блока ему оставалось теперь только повернуть ключ и проконтролировать рабочие параметры ожившего реактора. Однако Виталий настолько проникся всей важностью своей судьбоносной миссии что, сам и не заметил, как впал в легкое оцепенение.

Пот ручьями тек по его щекам, а он даже не пытался смахнуть его висевшим на шею полотенцем.

– Даю отсчет до цели, – объявила по «громкой» Шарлота. – Триста... Двести... Сто... Восемьдесят пять... Восемьдесят четыре...

Стремящийся к базе звездолет постепенно затормаживал падение, и девушка все медленнее и медленнее докладывала о его приближении.

- Скорость? – не утерпел де Базиде.
- Пять километров в секунду.
- Отсчитывай только последний десяток.
- Есть сер.

В эфире воцарила могильная тишина.

Ярославцев вновь переключился на космодром и теперь очень внимательно наблюдал за причальной командой.

– До цели ровно десять километров. Скорость снижения – пятьсот метров в секунду, – немного забеспокоилась Шарлота.

– Реакторный, ключ на старт, – спокойно скомандовал де Базиде.

Вот за это спокойствие, и предельную собранность, Ярославцев ценил его больше, чем остальных.

– На старте, – чуть запоздало откликнулся Виталий.

– Реакторный пуск.

– Есть пуск, – Кочетыгов плавно повернул ключ и буквально влип в мерцающий экран монитора...

Реактор, не смотря на его опасения, ожил и, набирая мощность, засигналил нарастающим потоком цифровых параметров.

Офицер всхлипнул от счастья, и неожиданно захрипев, откинулся на спинку кресла. Его сердце попросту не выдержало напряжения! Ведь только ему и Ярославцеву было известно, какому риску сегодня они подвергли базу.

Кассио мгновенно заняла его место, а Венера оттащила обмякшее тело начальника от панели, и немедленно приступила к непрямому массажу сердца.

– Дормидонтов! КУПОЛ!!!

– Есть купол! – Ратибор врубил механизм раскрытия и сферическая крыша здания, мгновенно расколовшись крестообразно, съехала четырьмя лепестками вниз.

Звездолет, содрогаясь и завывая двигателями, казалось, не влетел, а ввалился смертельно раненой птицей внутрь.

Имея вертикальный крен, транспортник, зацепил стену и замял пилотскую рубку. Сопла тут же потухли. Командор или погиб, или полностью потерял управление кораблем.

Безмолвный скиталец Вселенной провалился значительно ниже и едва не коснулся при этом плит.

Дормидонтов, быстро увеличив мощность гравитационной подушки, поднял корабль на уровень причала и выровнял его.

Швартовая команда без промедления приступила к работе...

На двадцать седьмой секунде зажимы прочно закрепили звездолет. Энергетические клеммы замкнулись, и база восстала из пепла аки птица Феникс.

Вокруг корабля сразу же появился карантинный экран, ведь неизвестно какую заразу он мог занести из космоса даже на своей бронированной поверхности.

Снаружи фортсооружения колыхнулось и стало набирать мощность долгожданное силовое поле. Почти одновременно с ним во всех помещениях вспыхнул свет, и потоки теплого воздуха хлынули из запитанных кондиционеров. Это система жизнеобеспечения, получив долгожданный энергетический глоток, заработала на всю катушку. Ей вторили в унисон и бытовые роботы. Опережая друг друга, и даже не успев, как следует подзарядиться, они немедленно приступили к наведению порядка в жилых отсеках второго яруса и начали общую дезинфекцию помещений.

Перевели дух и операторы в огневых сооружениях. Теперь они смело могли переключить все системы вооружения на автоматический режим поиска и уничтожение целей, что позволяло им на любом направлении в несколько раз сократить свое присутствие.

Протяжное, многократное «Ура-а-а!!!» доносилось от всюду.

– Ангелы! – обратился к подчиненным Ярославцев. – Я поздравляю всех с победой! В который раз вы доказали свое право считаться самым лучшим подразделением Космической пехоты. Я также безгранично горд и тем, что команду столь прославленным коллективом.

Однако эмоции эмоциями, но наша беспокойная гарнизонная действительность не дает нам права вкусить все прелести триумфа. А посему приказываю: привести себя в божеский вид, тщательно вычистить личное оружие и осуществить генеральную уборку на боевых постах. Через три часа встречаемся в актовом зале на праздничном обеде. Ответственным за это мероприятие назначаю капитана Бухарина. А сейчас мне срочно нужен старший лейтенант Волков?

– На связи командир, – тут же отозвался по «громкой» начальник медицинской службы.

– Хватай реанимационный чемоданчик и дуй в «реакторный»! У Кочетыгова во время запуска энергоблока случился сердечный приступ.

– Сер, – вклинилась в эфир Венера. – После разовой инъекции адреналина он потихоньку выкарабкивается.

– Все равно немедленно госпитализируйте его и проведите полное обследование. Отряд не может потерять героя. Остальным – выполнять мой приказ! Да, совсем вылетело из головы. Разведывательно-диверсионная группа сегодня отвечает за концерт. И самое главное господа хорошие: ни одна душа, ни под каким предлогом, не должна появиться на космодроме. Это приказ! Со мной встречать пополнение идут: лейтенант де Базиде, капитан Бухарин и ефрейтор Веселова.

С экрана посыпались возгласы возмущения. Потому что желающих взглянуть на новобранцев хватало с лихвой. Особенно не стеснясь в выражениях, обсуждал решение командира, чемпион базы по рукопашному бою рядовой Сотник.

– А ну, захлопнули пасти, старые корабельные крысы. У многих уже седина в голову, а туда же – покрасоваться перед салагами. Шмыг по норам и чистить свои дырявые шкуры, а не то вместо праздничного обеда и концерта проведем комплексный строевой смотр с одновременной сдачей зачетов по физической подготовке.

– Да в легкую, командир! – Хихикнула Веселова, и враз прикусила язык, узрев разгневанный взгляд начальника с монитора.

– Разрешите обратиться сер? – ни как не мог успокоиться рядовой Сотник. – Неужели я не достоин, хоть одним глазиком взглянуть на молодое пополнение?!

– Конечно же, достоин Иван Иванович! Уж кто-кто, а ты больше всех этого достоин. Однако други мои верные, а давайте-ка мы посмотрим на это предложение с другой стороны и представим себе на миг, о чем подумают новобранцы, узрев его восторженное и испещренное шрамами лицо в шлюзовой камере.

Такого богатырского хохота стены базы не слыхивали со дня ее основания.

Сотник же покраснел от смущения и, немного побухтев все-таки смирился с доводом начальника:

– Верно! В самую точку командир. Я бы тоже, проломив лбом главные ворота, рванул бы куда подальше.

Космопехотинцы, громко и азартно обсуждая последние события, поплелись оккупировать сауны и массажные ванны, снимая, а то и просто разрывая на ходу, пропитанное потом и грязью обмундирование.

Прачечные роботы с вежливым напоминанием: «Господа, мусорить не хорошо!», – покатились, недовольно жужжа следом, терпеливо подбирая тряпье на последующую утилизацию.

Глава II. Приказ – есть приказ!

Константин, вытряхивая воду из ушей, выпрыгнул на одной ноге из душевой кабинки. Доскакав до своего шкафчика, он подхватил с вешалки полотенце, и до хруста растер им распаренное после бани тело.

Новый, не обмятый комбинезон пах морозцем, хлопком и еще чем-то непередаваемо приятным...

Ярославцев с наслаждением натянул камуфлированную майку, просторные, оливковые трусы и умиротворенно расположился на деревянной лавочке, потягивая в меру охлажденный ананасовый сок.

Стандартный, не чем не отличавшийся от остальных, душевой отсек с сауной и маленьким бассейном, в котором он в компании с Веселовой, отскреб многомесячную грязь, был общим. То есть открытым для одновременного посещения бойцами обоего пола.

В Космической пехоте очень часто пренебрегали некоторыми общественными устоями. Напарники, а уж тем более женатики, всегда предпочитали пользоваться этими помещениями совместно, не отказывая себе в удовольствии потереть друг, другу спинку или от души похлестаться свежим веничком.

Для тех же, кто по каким-то причинам стеснялся своей наготы или выбирал одиночество, на базе существовали индивидуальные душевые кабинки с полным комплектом гигиенических благ.

Негласно все эти помещения были сразу же поделены между «стаями», двойками, женатиками и одиночками, и никто не имел права пользоваться ими без разрешения хозяев. Подобная формальность строго соблюдалась всеми Ангелам без исключения и позволяла им хотя бы изредка расслабиться и ненадолго сбросить с себя тяжелое ярмо служебных забот.

Ярославцев, не смотря на угробленное армией детство и здоровое желание дослужиться до генеральских погон, никогда не стремился стать «настоящим военным», этаким «прибабахнутым на голову уставным пареньком». Такие индивиды встречались в войсках довольно часто и служили «примером выполнения воинского долга» для остальных космопехотинцев. Начальство их боготворило, ведь нет ни чего лучше тупого и преданного исполнителя, на которого в случае неудачи можно было списать свои личные просчеты. Кроме: «Есть», «Так точно» и «Ни как нет» эти по пояс деревянные дуболомы ничего не признавали, и никогда не позволяли себе даже малейшего отступления от правил.

В свободное от службы время они упорно штудировали уставы и фанатично добивались их исполнения от своих подчиненных.

«Устав не догма, а руководство к действию!», – и Константин никогда не старался перегибать в этих вопросах палку. Он всегда придерживался мнения, что в здоровом воинском коллективе любая проблема может быть решена без особых усилий и для этого совершенно необязательно каждый раз махать перед носом у бойцов толстым сборником армейских законов и брызгать им в лицо слюной.

Поэтому в свободное от службы время он не шарahalся от подчиненных, а наоборот: часто посещал корпоративные пирушки, довольно сносно пел под гитару и изредка даже становился душой той или иной компании.

Но, не смотря на столь естественный демократизм, Ярославцев никогда не позволял себе смешивать мух с котлетами. «Делу время, потехи час»! И если Ангелы вдруг непростительно расслаблялись и заваливали выполнение поставленной задачи, то всегда отгребали по полной, независимо от того, сколько было вместе выпито и спето.

Помимо всего прочего наш бравый капитан еще и возглавлял маленькую холостяцкую группировку, в составе: Ришата Бухарина, Доны Сомерс и Веселовой Ольги. До этого объединения они долго дружили парами, а только четыре года назад наконец-то решили создать свою, собственную «стаю».

– Раз, два, три! Кто не спрятался, я не виновата! – сверкая упругими ягодицами, из душа пулей выскочила совершенно голая Веселова. – Привет начальник! – она прошлепала мокрыми пятками по нагретому покрытию к огромному зеркалу, и принялась расчесывать свое рыжее великолепие на голове.

Сверху ее заботливо обдувал поток теплого, ароматизированного воздуха, и девушка, жмурясь от удовольствия, подставляла под его ласковые струи свои хрупкие, аристократические плечи.

– Начальники на службе, – лениво огрызнулся Ярославцев, – могла бы и по имени назвать, не чужой ведь. И вообще, будь так любезна, прикрой-ка свою срамоту от греха подальше.

– Вот еще! Пыф-ф! – обернулась и кокетливо стрельнула глазками, Ольга. – Для всех красота, а для тебя срамота. И вообще, что это такое?! Ты месяц, ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ до меня пальцем не дотронулся. Все бубнил: «Отстань крошка, потерпи немножко, у меня дела-а-а». Ни ласкал! Ни холил! Ни лелеял! Даже в душ сейчас со мной не полез! А теперь еще стоишь и возмущаешься?! – она надела черный кружевной гарнитур и стала неторопливо примерять форму.

– Что, верно, то верно подруга! – старческим голосом, явно заигрывая, прошамкал Константин. – Эта повседневная суета совсем доконала заслуженного ветерана. Однако не стоит отчаиваться, детка. Ведь в этой израненной груди еще жив огонек безумной страсти!

– Тогда в чем дело, милый?! – она эффектно развернулась и выжидательно замерла в такой соблазнительной позе, что только мертвый мог бы остаться равнодушным к ее восхитительному великолепию.

Высохшие, пышные, рыжие волосы упали водопадом до бедер и еще сильнее подчеркнули ее нерастраченную сексуальность. – Надеюсь, сегодня я наконец-то буду удостоена твоего внимания?

– Хватит демонстрировать предо мной свои прелести «развратница», а то ведь, не ровен час, нарвешься на внеочередное изнасилование.

– Только попробуй дотронуться, – завлекающе промурлыкала девушка. – Я буду кричать, визжать и царапаться.

– Не поможет! – Константин броском оказался возле нее, и крепко стиснул в объятиях.

– О да, мой тигр, – она, совершенно не сопротивляясь, подпрыгнула и оплела его ногами. – Давай прямо здесь, и совершим это «грязное грехопадение»!

– Не богохульствуй, а то вложу отцу Петру.

Они жадно поцеловались... Потом еще... И еще раз...

Веселова по праву считалась самой красивой девушкой отряда, его негласным секс – символом.

Однако помимо огненно рыжих волос, смазливового личика и супер – сексуальных округлостей она имела в своем активе достаточно солидный набор весьма редкостных и незаурядных достоинств. Конечно, Оленька позволяла себе иногда прикинуться очаровательной глупышкой, но при более близком общении в глубине ее умопомрачительной внешности открывались такие таланты и способности, что многие выпускницы самых престижных университетов Земли умерли бы от зависти, составь она им, хотя бы временную конкуренцию.

Помимо своей основной военной специальности Оленька в совершенстве владела двадцатью языками крупнейших цивилизаций Внеземелья, заочно защитила кандидатский минимум по Досветовой Истории, и сдала экстерном экзамен по Этнографии внеземных народов в Сорбонне. А в довесок ко всему перечисленному, наша умница и красавица, еще обладала

великолепными вокальными данными. Причем настолько великолепными, что после **интерната**, а затем и по окончании училища, всерьез подумывая над тем, чтобы попробовать себя в шоу-бизнесе, несколько раз участвовала в отборочных конкурсах эстрадных исполнителей.

Однако не явно выраженный талант, не дюжее упорство не помогли ей избежать провала. И поэтому, вернувшись из очередного похода за славой она, как истинный космопехотинец: тщательно проанализировала свои ошибки, трезво оценила обстановку и начала готовиться к следующей попытке, но теперь уже самым основательным образом.

Ее план был «гениален» и прост: за время службы скопить денег для записи и раскрутки своего первого альбома и, по завершению контракта, попробовать пропихнуть его в двадцатку лучших месячных хитов хотя бы на одном из галактических музыкальных каналов, а дальше как масть попрет...

Наивное создание...

Она, конечно же, не учла очень многих и весьма существенных нюансов. Но самое главное ее заблуждение было в том, что в современной попсе, где бесполое и безголосые бабочки – однодневки пичкали музыкальный электорат дегенеративной жвачкой, даже деньги решали далеко не все.

Тем более что ее появление на музыкальном Олимпе было очень нежелательно для воротил шоу бизнеса. Вы спросите: «Почему?!». Да потому что практичных шоуменов совершенно не интересовал ни ее талант, ни способность петь «живую».

В этом бизнесе уже давно сложились свои корпоративные традиции, и никто не желал их ломать ради какой-то провинциальной певички. Вот если бы Оленька завела себе достаточно влиятельного в этих кругах покровителя или хотя бы состоятельного спонсора... Но пока она носила погоны и защищала интересы Отечества в нищих колониях Внесемелья, таких дядей успешно окучивали другие «девочки – припевочки», естественно не оставляя ей ни единого шанса.

Шорох за спиной заставил Ярославцева вздрогнуть и прервать ласки. Ольга открыла глаза, и они у нее почти что акваторились.

Константин, обернувшись и сам, на некоторое время, потерял дар речи.

Посреди раздевалки, в чем мать родила, стояла Марина Поленцова. И только отцовские часы блистали на ее запястье.

– Простите великодушно, господа, – пролепетала она, краснея, и юркнув к кабинке, прикрылась полотенцем. – Я не удосужилась проверить душевые. Просто пришла, и заперла входную дверь... Отвернитесь, пожалуйста, я оденусь.

– Товарищ лейтенант, – это все, что смог проблеять Ярославцев, незамедлительно исполнив ее просьбу. – Впредь я попрошу вас быть более осмотрительной. А то меня, еще чего доброго, заподозрят в растлении малолетних девочек.

– Я не малолетка! – резко возразила Марина.

– Послушайте, юная леди! – пунцовая от стыда Веселова быстро поправила нижнее белье, – что это вы здесь пытаетесь лопотать в свое оправдание?! Неужели вам неизвестно, что эта раздевалка совмещенная: она «волчья» и командирская одновременно, и никто, повторяю НИКТО, без разрешения нашей «стаи» не смеет вторгаться сюда, ни под каким предлогом!

– Мой личный душевой отсек оказался неисправен. Роботы до сих пор чинят в нем сантехнику. В кубриках из кранов течет одна ржавчина. К семейным не втиснешься. Вот я и заглянула сюда. Вижу пусто, – голос Марины задрожал от обиды. – Не кричите на меня, пожалуйста!

– Скажите, какая недотрога!

– Веселова! Действительно, перестань орать на ребенка. Во-первых, она – офицер, во-вторых, такая же «волчица», как и ты.

– Ага! И тоже может сверкать голым задом перед тобой. Теперь понятно, куда ты кло-нишь. – Не на шутку завелось «рыжеволосое божество» и уже на полном серьезе рубануло с плеча: – Все Ярославцев! Совет стаи в полночь!

– О-о-о! Вся «банда» в сборе, – в раздевалку ввалился Бухарин в обнимку с Сомерс. – По ком сегодня сыр-бор и раздача подарков?

– Она едва не прихватила, нас в нашей же раздевалке! – Веселова рывком натянула ком-бинезон.

– Ах, какая незадача? Оленька, рыбонька моя, сбавь-ка свой праведных рев на полтона ниже, – медовым голосом попросил Тимур.

– А в чем дело «Мурза»?! Ты что, ставишь под сомнение мое утверждение?!

– Да, что ты! Ни в коем случае, громогласная моя. Я даже не оспариваю твоего права и дальше стоять на страже наших интимных интересов. Однако позволь мне внести в этот увлекательный процесс одну маленькую поправочку. Та, на которую ты сейчас с таким воодушевлением орешь, совершенно ни в чем не виновата. Ведь верно Дона?

– Он прав подруга, – поддержала его мулатка, – это я разрешила ей воспользоваться нашим коммунальным кубриком. Тимур зашел к нам в третий форт. Слово за слово... Ты же знаешь, в сексе мы, как и вы, предпочитаем уединение. А тут так приспичило... Вот я и отпра-вила Маришку сюда. Только умоляю, – пресекла Донна попытку Веселовой раскрыть рот, – прежде чем что-то вякнуть в ответ, сначала лучше выясните, куда вы дели свои «Маячки», господа военные?

– Не в бровь, а в глаз. Моя промашка – Константин хлопнул себя по нагрудному карману. Он забыл забрать индивидуальный определитель своего местоположения из комбинезона, и естественно сдал его вместе с грязным тряпьем на утилизацию. Вероятно, и Ольга по невни-мательности поступила точно также.

– Прежде чем дать разрешение я, конечно же, запросила главный компьютер относи-тельно ваших уважаемых персон, и он мне тут же ответил, что капитан Ярославцев, и ты, моя милая истеричка, уже целый час милуетесь в прачечной. Из чего я естественно и позволила предположить, что нет более подходящего места для страстного слияния двух одиночеств... Ну, чего уставились на меня словно бараны на новые ворота, бегите за «Маячками» пока их не отправили в переработку, – и Донна решительно прошествовала через раздевалку, увлекая Тимура в сдвоенный душ с бассейном.

– Эй, лейтенант? – немного высокомерно обратилась к «виновнице скандала» Веселова. – Ты уж извини я, кажется, позволила себе немного лишнего. Не принимай это близко к сердцу. А вы, господин капитан, не стойте верстой коломенской и прекратите пялиться на нее! – сорвала свою досаду на начальнике Ольга, и чуть смягчившись потребовала. – Топай отсюда, да пожи-вее! Не видишь, девчонка от стыда сгореть готова.

– Вот она женская корпоративность. Уже спелись! «Феминистки фиговы».

– Давай, проваливай. «Женоненавистник».

– Оленька. Полегче на поворотах, субординацию ведь еще никто не отменял. – Констан-тин залпом допил сок и тормазнувшись в дверях, не оборачиваясь, скомандовал: – Ефрейтор Веселова?!

– Да, сер! – Ольга вытянулась в струнку.

– Встречаемся через час на космодроме. К этому времени тебе необходимо провести все подготовительно-карантинные мероприятия. И не забудьте разыскать свой «Маячок».

– Слушаюсь, мой капитан!

«Мой капитан!», – она произнесла словно: «Мой, Бог!», и Ярославцев, улыбнувшись, направился на командный пункт.

– Давай-ка сестренка, как следует, вытремся. – Веселова по-матерински начала обтирать огромным, махровым полотенцем лейтенанта.

– А как часто вы занимаетесь сексом? – спустя некоторое время, с самым невинным выражением, поинтересовалась Марина.

– Я не считала. – Уклончиво ответила Ольга.

– А он тебя любит?

– Не знаю. Не уверена.

– А ты его?

– Мы никогда об этом не разговаривали. – Не моргнув, соврала Веселова и врубила «полную дурру»: – Мы же «инкубаторские», оба из кадетского интерната. Причем из одной группы. У нас не приняты эти ваши «Сюси-пусси» и вздохи при Луне. Если мне нравился парень, то после отбоя я сама ложилась к нему в кровать. Если я кому-то нравилась, то парниша уваливался ко мне под бочок.

– О да, я слышана о ваших кадетских нравах!

– Постой-ка, милая, – Ольга, явно не желая развивать эту тему, решительно взяла инициативу в свои руки и, отступив на несколько шагов, неожиданно скомандовала: – А, ну-ка повернись... Так! А теперь встань вот так... Ого! Да ты вполне можешь составить мне конкуренцию. И фигурка у тебя о-хо-хо! И грудка и попочка что надо! Да и мордашкой Бог не обидел...

– Конкуренцию в чем? – покраснела Марина, спешно пакуясь в комбинезон.

– Черт возьми! Бьюсь об заклад, что очень скоро ты станешь нашим новым секс-символом! – восторженно воскликнула Веселова и, тут же поправилась: – Конечно же, с моего согласия.

– А если я не захочу?!

– Да ну?! Не отказывайся! Если честно, то мне эта внештатная должностенка уже порядком поднадоела.

– Неужели?

– Достаточно того, что среди Ангелов я лучший экстремал, а так же консультант по этносам и культуре.

– И ты, без сожаления уступишь мне столь почетный титул? Добровольно откажешься от внимания всей мужской половины отряда?!

– В гробу я видела это внимание! – горестно вздохнула Веселова и попыталась объяснить: – вам деточка наверняка, еще нет и двадцати? Душа полна романтизма, а кругом мерещатся принцы, букеты алых роз и куча воздушных замков.

– Вы не правы, ефрейтор! – резко возразила Поленцова, и в ее очаровательных глазах вспыхнула злобная искорка. – Я знаю эту жизнь не хуже вас, и давно рассталась с розовыми иллюзиями. Это просто возмутительно, когда большинство военнослужащих на базе считают меня несмышленьшем. Сюсюкают, оберегают и, что самое обидное, на пушечный выстрел не подпускают к стоящему делу. Даже потискать в углу и то не решаются.

Ольга открыто и заразительно засмеялась:

– Мне бы ваши проблемы милочка! Да и по совести говоря я бы на вашем месте особенно не переживало по этому поводу. Все, без исключения, начинали так свою службу.

– Ефрейтор, – Марина приблизилась вплотную и доверительно положила ей руку на плечо,

– я очень признательна вам за предельную откровенность, и то участие, которое вы проявили ко мне. Однако в конце нашей очень поучительной беседы я все-таки осмелюсь задать вам еще один весьма деликатный вопрос.

– Внимательно слушаю вас, товарищ лейтенант?

– Скажите, – Поленцова убрала руку и застегнула штурмовой ремень с нанизанным на него снаряжением. – У вас с капитаном все действительно всерьез и надолго?

– Ух, какие мы нетерпеливые и любопытные! А почему это вас так интересует деточка? – Ольга, в свою очередь тоже застегнула штурмовой ремень, но у нее это получилось естественней и быстрее. Теперь же, чувствуя свое полное превосходство, она вызывающе смотрела в глаза офицера, и накручивала слабиной тросика со страховочным фалом на конце.

– Потому что я люблю Ярославцева! – Марина, как бы она не хотела казаться уверенной, не выдержала ее пристальный взгляд и потупила взор.

– Bravo девочка моя, bravo! – хлопнула в ладоши любовница командира. – Идете на конфронтацию? И что дальше? Дуэль на лучеметах, или банальный бабский мордобой?

Поленцова язвительно улыбнулась и как можно спокойнее произнесла:

– Не дождетесь.

– Ладно, не злись, – устало попросила Веселова и, в знак примирения, слегка обняла ее за талию. – Сказать по правде я уже давно ожидала чего-то подобного и поэтому не очень-то собираюсь переживать за наш будущий разрыв с Константином. Мы «Волки» спокойно относимся к таким вещам. Уж если вожак отбивается от стаи за молоденькой, красивой самкой, это его дело! Я и пальцем не пошевелю, чтобы удержать его возле себя. Однако позвольте разочаровать вас заранее и предупредить о том, что рассчитывать на легкую победу в этом деле вам не стоит. Привлечь к себе внимание Ярославцева, а уж тем более охмурить его, не так-то просто.

– Он что по пояс деревянный? – попыталась пошутить Марина.

– Нет. Костик славный парень. Такого еще надо поискать. А в постели так просто ураган. – Оленька сладко потянулась, намеренно выпячивая упругую грудь, а потом безо всяких выкрутасов заявила прямо в лоб: – Одно я знаю точно: он уже никогда и никого не полюбит по-настоящему.

– Почему?! – недоуменно сморщила носик Марина.

– Да потому что провела рядом с ним не один год. А хотите, – внезапно, сама не зная почему, предложила Веселова, – я посвящу вас в одну из его маленьких тайн?

– Еще бы!

– Тогда слушайте. Между нами уже давно нечего нет, кроме дружбы и секса.

По началу, еще в кадетке, он питал ко мне очень серьезные чувства. Но я тогда было своенравна, ветрена и глупа. Настолько глупа, что позволила упустить свой шанс. Потом, уже в отряде, Костя встретил и полюбил другую женщину, причем настолько сильно, что, теперь его сердце навсегда принадлежит, только ей. Той единственной, утрату которой он переживает до сих пор...

Иногда я сожалею, что в отличие от него, не способна на такие серьезные и глубокие чувства. Но Костя... Он всегда был не такой как все. Особенный, романтичный, влюбчивый и очень преданный...

– Я бы сразу не подумала! – засомневалась Марина. – Мне показалось, что Ярославцев наоборот: хладнокровный, расчетливый и волевой человек.

– Это на службе. – Возразила ей Веселова и мечтательно прищурилась. – А в жизни... В жизни он именно такой как я сказала. Настоящий «Маленький принц».

– Интересно, – услышанное настолько заинтриговало Поленцову, что она решила выяснить все обстоятельства этой трагической истории: – А вам не составит труда рассказать мне о том, кем была та женщина, утрату которой он не может забыть до сих пор.

– Командиром сводной роты. Нашим первым командиром. Костя в отличие от меня вообще начал службу под ее непосредственным началом. Элеонора была очень опытным офицером да еще к тому же классным психологом. Стоило ей взглянуть на новобранца, и она сразу же определяла, будет ли из него толк. Между нами девочками говоря, я тоже ее боготворила. Она и мне помогла быстро и безболезненно войти в должность.

– Как вы сказали, ее звали?! – попросила уточнить Марина.

– Майор Космической пехоты Богрянцева Элеонора Брониславовна. – Задумчиво повторила Веселова и подвела черту: – Она погибла спустя полгода, после того как они познакомились.

– И что было потом? – поспешила спросить Поленцова, заметив, что Оленька явно не горит желанием продолжать этот разговор.

– Потом Костик просто закрылся. Ушел в себя и больше уже никого не впускал в свое сердце. Одно время я пыталась... Бесполезно! К тому же вы меня поймете, ведь любой женщине, в конце концов, надоедает роль любовницы. А его это устраивало. Поэтому наши отношения стали постепенно остывать и переросли в банальную привязанность... Вы, позвольте дать вам совет?

– Да, конечно!

– Не старайтесь сразу затащить его в постель. Наутро он поблагодарит вас, чмокнет в щечку и адью...

– И все-таки вы сожалеете, что ваш роман с Ярославцевым заканчивается таким вот образом. Я же вижу. – Проявила участие Марина и Ольга так и не смогла понять: игра это или действительно искреннее сочувствие.

Данное обстоятельство настолько обеспокоило Веселову, что та решила больше не открывничать с ней. Тем более что она и так уже успела наболтать ей лишнего.

И кто знает, какие мысли крутились сейчас в этой очаровательной головке? Поэтому, вновь прикинувшись дурушкой Оленька, вдруг заявила с наигранной беспечностью:

– По Костику я и раньше-то сильно не убивалась, и давно подыскивала предлог, чтобы порвать наши отношения. Так что теперь вам и карты в руки. Смелее в бой! Обещаю лишь маленькую сценку ревности в целях соблюдения видимого приличия. Нельзя же уходить, не хлопнув дверью.

– Замечательно! – обрадовано заблестела глазками девушка. – Я постараюсь! Я очень постараюсь.

– О небо! Ну как же вы все-таки наивны! Нельзя же до такой степени доверяться людям. А вдруг, к примеру, из ревности, я взяла да и разыграла вас. – Веселова обняла ее и прижала к себе. Она прекрасно поняла, что Марина тоже врубила дурака, и решила прикинуться заботливой подругой. Однако юное создание не предоставила ей такой возможности:

– Извините ефрейтор, но кажется вам пора на космодром?! – Марина вежливо освободилась из ее объятий.

– Так точно, товарищ лейтенант. – Загадочно улыбнулась Оленька и, поправив перед зеркалом прическу, вышла из раздевалки.

Де Базиде прискакал к карантинной камере самым первым и теперь, нервно брюзжа себе под нос, нетерпеливо нарезал круги возле входа.

В вопросах соблюдения дисциплины времени он был настоящим педантом и всегда соблюдал «ефрейторский зазор». К тому же шепетильный француз на дух, не переносил тех, кто имел привычку являться минута в минуту. Ну а уж те, кто опаздывал, сразу становились его врагами до гробовой доски.

Веселова, возникнув чуть позже, не стала, как обычно, задирать ершистого лейтенанта и, встав немного в стороне, быстро провела подготовительные мероприятия по санобработке и организации пропускного режима.

Покончив со своими делами, она угостила «Шевалье» фруктовым леденцом, и накоротке обменялась первыми впечатлениями.

А тем временем на космодроме инженерный состав базы с помощью дистанционных роботов уже приступил к демонтажу прибывшего звездолета.

Корабль, с честью выполнивший свою основную задачу, теперь обиженно стонал и содрогался под лазерными резаками облепивших его киборгов. Еще дымившиеся на срезах одно-размерные куски металла загружались на пневмоплатформы и перевозились в один из пустующих ангаров. Там их маркировали и штабелировали, чтобы в дальнейшем использовать для повседневных нужд.

Новобранцы наблюдали за всем происходящим через прозрачный бронеклопак технического ограждения. Им было больно смотреть на то, как безжалостно уничтожается последний мост, связывающий их с прошлой жизнью, ведь в глубине души кое-кто из них все еще надеялся на возвращение домой.

Толпясь в карантинной камере, они непроизвольно сбились в кучу и обеспокоено зыркали по сторонам.

Изредка, когда особенно яркие вспышки от резцов высвечивали их бледные и напряженные лица они становились похожими на бездушных восковых кукол собранных в запаснике какого-то провинциального музея.

– Честно говоря, сейчас им не позавидуешь. На душе скребут кошки, и такое ощущение, словно на твоих глазах сгорает отчий дом. – Полушепотом изрек за спинами Ольги и Мишеля, Ярославцев.

– Полностью с вами согласен командир. Это зрелище действительно не для слабонервных! – поддакнул бесшумно подошедший Бухарин.

Четверка встречающих, не сговариваясь, выстроилась в шеренгу и замерла, в ожидании последующих команд.

Однако Ярославцев не стал торопить подчиненных, и позволил им порыться в собственных воспоминаниях, чтобы еще раз вспомнить тех, с кем они по-братски делили тяготы и лишения своих первых экспедиций.

Глаза Ангелов затуманились и перед ними непроизвольно замелькали размытые образы однополчан. Кто-то давно ушел на повышение, кто-то продолжил службу в других подразделениях. Однако большинство уже давно покоилось в братских могилах на территориях мало кому известных планет...

– Внимание, господа! Начинаем. – Ярославцев первым стряхнул хандру и сделал шаг вперед: – Приборы индивидуального контроля готовы?

– Да, сер! – Ольга указала на три арки, раскрашенные в красный, синий и желтые цвета.

– Выявленных носителей инфекций, если таковы вдруг да окажутся, вежливо препроводить в изолятор. Остальных в карантинные кубрики.

– Я уверен, они почти стерильны сер, – высказал свое мнение Бухарин, – предполетная санобработка, да к тому же длительное пребывание в гиперпространстве не оставило инфекциям, грибкам и микробам даже шанса на выживание.

– Все равно! – возразил Ярославцев. – Инструкцию нарушать не будем. Веселова, доложите обстановку за ограждением.

– Биологическая в норме, радиационный фон постоянный, без колебаний, химических примесей представляющих опасность для организма не выявлено.

– Свет!

Вспыхнули яркие, аргонные лампы.

– Пошли! – Константин первым приблизился к разъехавшимся створкам прозрачной перегородки.

Новобранцы быстро построились в шеренгу по два, оставив положенный интервал между взводами.

«Шестьдесят три», – автоматически отметил про себя капитан, и по тому, как пополнение носило форму одежды и снаряжение, безошибочно определил – перед ним даже не резервисты, а обычные обыватели, ни дня не прослужившие в действующей армии.

Половина из них, по каким-то причинам, потеряла работу и подалась в войска за гарантированным куском хлеба, остальных насильно призвали за мелкие административные нарушения в основном из колоний. По всей видимости, командование настолько торопилось с отправкой подкрепления, что успело только прогнать этих горе-воjak по ускоренному курсу общевоинской подготовки.

Костя тяжело вздохнул, прекрасно понимая, что эта публика в ближайшее время может использоваться им только для охранных мероприятий. Привлекать их к боевым действиям сейчас было равносильно самоубийству!

Но начальству виднее, а он не привык обсуждать его приказы. Тем более что ценой пятидесяти процентных потерь эти мальчишки и девочки через месяц все равно научатся драться, пусть и не профессионально...

– Здравствуйте, – как можно дружелюбнее, обратился Константин к серой массе, затянутой штормовыми поясами. – Мы рады приветствовать вас на своей базе.

– Группа! – хорошо поставленный женский голос подстегнул новобранцев, а четкий строевой шаг заслуживал похвалы. Командир пополнения – молоденькая девица с нашивками старшего лейтенанта не замедлила приблизиться для рапорта. – Сер! Вверенное мне сводное подразделение прибыло для дальнейшего прохождения службы на базу отряда Ангелы, планеты Золотарь в количестве шестидесяти трех человек. Больных и раненых нет. Потери – курсовой пилот – андроид был раздавлен при посадке. Командир группы – старший лейтенант Булгакова.

Бетонный пол поплыл под ногами начальника экспедиции. Удушливая, тошнотворная волна нахлынула столь внезапно, что Константин, даже не «мявкнув», словно подрубленный бухнулся на спину. Столь неожиданное приземление обошлось без серьезных последствий лишь потому, что его спину защитил бронежилет, а голову стальная сфера.

И капитан, и его подчиненные по уже сложившейся традиции явились на космодром в легкой боевой экипировке, чтобы у прибывшего «молодняка» даже в мыслях не закралось сомнений относительно своего будущего поведения на базе.

Строй рассыпался. Несколько новобранцев попытались приблизиться к Ярославцеву, но Веселова быстро сориентировалась, и взяла ситуацию под свой контроль.

– Назад! – она для пушей убедительности пальнула вверх из пистолета. Кроме табельных лучеметов космопехотинцам выдавалось старинное и безотказное огнестрельное оружие. – Кому сказано?! Назад! В строй! – пистолет откашлялся еще пару раз. Латунные гильзы, подпрыгивая, звонко зацокали в наступившей тишине. – Сохраняйте спокойствие, господа. У командира обычный приступ «Венерянки»! – нарочито внятно и громко объявила ефрейтор, упаковывая оружие в кобуру.

Де Базиде немедля вколол вакцину и Константин, поднявшись с его помощью, даже попытался пошутить:

– Ну, надо же, вот это меня прихватило в самый неподходящий момент... Веселова?

– Да сер?

– Поручаю вам первый взвод. Бухарину – второй. де Базиде – третий. Для начала осуществите полную санобработку, а затем разведете личный состав по карантинным кубрикам. Пусть они немного обвыкнутся и отдохнут с дороги. После приема пищи проведете с ними краткий вводный инструктаж и дадите время для подготовки к праздничному обеду. А вас, товарищ старший лейтенант, – обратился он к Булгаковой, – я попрошу проследовать за мной для сдачи личных дел и отчетной документации.

– Капитан! – неожиданно возразила ему девушка. – У нас свои, штатные, отданные приказом начальники. Они вполне способны самостоятельно управлять подчиненными. Нет смысла дробить подразделение и поручать ефрейторам, хотя бы временно замещать офицеров.

– Не понял?! – искренне изумился Ярославцев. – Вы что, привезли с собой приказ о назначении вас на должность начальника экспедиции?

– Нет сер.

– Тогда какого черта вы пытаетесь обсуждать мое распоряжение?!

– Извините сер, но я хотела как лучше.

– Извинение принято. Прошу. – Он подчеркнуто вежливо взял ее под локоток и указал рукой на дверь.

Когда они оказались в магистральном коридоре капитан, рывком развернул ее лицом к себе, и сухо поинтересовался:

– Вас как зовут, товарищ старший лейтенант?!

– Елена Викторовна, сер.

– Так вот Елена Викторовна, чтобы в будущем у нас не возникало недоразумений, предупреждаю: если хотя бы еще один раз вы попытаетесь пререкаться со мной в присутствии подчиненных, клянусь страховочным фалом я, не задумываясь, срежу вам знаки различия и до конца экспедиции отправлю на камбуз, командовать пищевыми роботами. Я не деспот и всегда допускаю, если в этом существует необходимость, нормальное и конструктивное обсуждение моих приказов. И если кто-то, из подчиненных, бывает с чем-то не согласен, то все недоразумения мы решаем в моем кабинете с глазу на глаз, а не меряемся погонами на виду у всего личного состава. Усекли?

– Так точно, сер.

– Вот и славненько. – Костя на правах хозяина пошел, вперед указывая ей дорогу.

Булгакова, без каких либо возражений, последовала за ним.

Пререкаться с начальником дальше уже не имело смысла. То демонстративное неповиновение, которое она позволила себе на космодроме, было все на всего заранее спланированной провокацией, рассчитанной на проверку его командирских качеств. Ведь не зря же она, самым тщательным образом, проштудировала его личное дело и заранее составила подробный психологический портрет.

Судя по изученным аттестационным материалам в характере, поступках, и действиях Ярославцева четко прослеживалось многолетняя военная закалка, а настойчивость, терпение и воля очень удачно сочетались с храбростью, целеустремленностью и способностью к принятию нестандартных решений. Все начальники, под чьим руководством ему прежде довелось послужить, не раз потом отмечали, что данный офицер является не только толковым организатором и военным профессионалом наивысшей категории, но еще к тому, же и «непревзойденным инженером человеческих душ». Он настолько глубоко знал личностные качества своих подчиненных, что иной раз было достаточно только его взгляда, чтобы боец, не задумываясь, пошел ради выполнения приказа на верную смерть.

В дополнение к этому капитан никогда не останавливался на достигнутом, и постоянно совершенствовал свои личные навыки.

В последние пять лет он прочно вошел в десятку лучших снайперов и рукопашников Вооруженных Сил, и не раз брал первые места на всевозможных армейских соревнованиях и спартакиадах.

Ко всему вышеперечисленному Ярославцев был на этой базе Царь, Бог и Воинский начальник. И его обещание разжаловать нарушившего субординацию офицера до отрядного кока вполне могло быть исполнено в самое ближайшее время.

Пока Булгакова все это переваривала на ходу он, не раскрывая рта, довел ее до своего рабочего кабинета, и жестом разрешил расположиться на диване.

Елена с признательной улыбкой воспользовалась его гостеприимством и, вприхнув на обтянутые кожей подушки, бесцеремонно сбросила тяжелые штурмовые ботинки.

Костя машинально отметил про себя, что войсковой офицер никогда бы, не позволил себе такой вольности в присутствии начальника. А из этого следовало, что Елена Викторовна или не та за кого себя выдает, или же настолько «мохната» что вполне может пренебречь соблюдением

правил воинского этикета. Это умозаключение слегка насторожило капитана и заставило всю навести уши.

Приземлившись, напротив, за письменным столом, он неторопливо снял с головы бронесферу и, включив вытяжку, с чувством начал смаковать ароматную кубинскую сигару.

Так прошло несколько минут, за время которых Ярославцев откровенно разглядывал подчиненную сквозь пелену утекающего вверх дыма.

«Хороша девка то! Ох, как хороша! – подумал про себя Константин, оценив по достоинству ее фигуру, длинные белокурые волосы, идеальное личико и все остальное, к чему нормальный мужчина обязательно проявит интерес.

Но особенно ему запали в душу ее большие зеленые глаза. На удивление редкостного изумрудного цвета они настолько сильно притягивали к себе внимание, что в одночасье могли превратить собеседника в безропотного и послушного раба.

Внешность Булгаковой настолько пришлась по вкусу капитану, что он даже немного посочувствовал ей, и с сожалением подумал:

– «Интересно было бы узнать: что же все-таки заставило тебя дать согласие на «почетную ссылку» в наше забытое Богом царство-государство?».

Однако девушке явно не понравился его задумчиво – хитроватый взгляд и она, решив прервать смотрины, настойчиво заявила:

– Сер, вы разрешите мне доложить цель своего прибытия?

Он, как ни странно, отрицательно замахал рукой:

– Ни в коем случае!

– Но почему?!

– А куда нам спешить? Давайте-ка лучше для начала познакомимся поближе. Вы не против?

– Не-ет сер. – Опешила Елена. – Но мы ведь уже представились друг другу?!

– Эта была обычная служебная формальность. А так как нам с вами, Елена Викторовна, предстоит еще не один месяц торчать в этой Богом забытой дыре...

То будет довольно логично, если мы сразу станем предельно доверительно строить наши служебные отношения. Вы не возражаете?

– Никак нет, сер!

Ярославцев встал, заправился и очень коротко пересказал свою служебную биографию:

– Начальник экспедиции на планету Золотарь капитан Ярославцев Константин Сергеевич. Новосибирское училище космической пехоты. Стрелок снайпер, командир разведывательной группы, командир рейдово – диверсионной группы, Советник Наместника колонии два дробь сто восемнадцать по антитеррору. Командир сводного отряда «Ангелы».

Елена быстро обулась и незамедлительно последовала его примеру:

– Булгакова Елена Викторовна. Ускоренные курсы при Новосибирском училище космической пехоты. Начальник отдела базы хранения дальних рейдеров на Луне, форт Безымянный и, наконец, командир сводного отряда прибывшего в ваше распоряжение.

– М-да! – Константин присел и с сожалением потушил сигару, – Особо похвастаться нечем. А я то, старый дурень, надеялся, что мне пришлют более опытного офицера...

Елена же, пропустив мимо ушей его рассуждения, четко приложила руку к берету, и отпартовала:

– Старший лейтенант Булгаковы представляюсь по случаю назначения на должность первого заместителя начальника экспедиции. – Она подчеркнуто официально приблизилась к столу и протянула Ярославцеву информационный чип.

– О, как! – немного растерялся капитан и немедленно подсоединил его к своему персональному компьютеру. – Из грязи, да в князи?! А я, грешным делом, вообще принял вас за командира отделения. А вы оказывается мой Зам.

Он долго изучал приказ о ее назначении и, наконец, как бы невзначай, поразмыслил вслух:

– Вот так всегда! Не срачка – так пердячка, не понос – так золотуха. Стало быть, мое представление о назначении на эту должность капитана Бухарина, отправленное месяц назад, все – таки отклонили. А в замен прислали Вас... Так – так – так... Обидно, досадно... Но ладно! Мы привыкли выполнять приказы, а не разговаривать. Верно заместитель?!

– Так точно, сер.

– Однако праздновать победу нам пока еще рановато, и знаете почему?

Елена дипломатично промолчала.

– Да потому что, не смотря на вашу стопроцентную уверенность в собственных силах меня, как начальника экспедиции, очень беспокоит ваша профессиональная некомпетентность и полное отсутствие боевого опыта.

Столь неожиданное заявление командира застало девушку врасплох.

– К чему вы клоните капитан?

– Да к тому, что вы или сверхталантливы, или очень родовиты. Других объяснений вашей головокружительно карьеры я пока что не нахожу. Есть еще конечно и третий вариант столь успешного продвижения по службе.

– И какой же?! – чувствуя явный подвох, ошетинилась Елена. Вызывающее поведение Ярославцева ей очень не понравилось!

– А вы не догадались?

– Представьте себе, нет.

– Я смею подозревать, что свое последнее назначение вы пробили отнюдь не служебным рвением, а исключительно интимным местом, – Ярославцев внимательно следил за ее реакцией.

– Когда мне приступить к приему дел и должности? – как ни в чем, ни бывало, задала вопрос Елена. Казалось, ее совершенно не интересуют его провокационные разглагольствования.

Такое демонстративное презрение натолкнуло Константина на мысль, что здесь, все-таки был замешан третий вариант. Тем более что крупного военного чиновника с такой фамилией он не знал, а простому офицеру, с «конституцией за плечами», за эту должность пришлось бы как минимум лет пять жрать землю на личном составе.

– Спокойно, товарищ старший лейтенант! Не будем с места рвать в галоп. Сначала как в русской – народной сказки присмотритесь и к холопам и хоромам, а уж потом мы предметно поговорим о вашем назначении.

Ее апартаменты оказались напротив кабинета начальника и ничего особенного собой не представляли. Обычный двухсекционный кубрик, с набором элементарных удобств отмытый до блеска и укомплектованный минимально необходимым количеством мебели.

Константин, сразу же поменял код на замке и еще раз проверил работоспособность двери.

– Пятьсот сорок семь. Запомнили комбинацию цифр?

– Запомнила, – заверила его Елена.

– Пройдите в жилой отсек. Вон ваша кровать. Санузел в углу за переборкой. Прямо душ. Расквартировывайтесь. Через час жду вас у себя. Да! Уборочный робот под кроватью. Для его активации нажмите зеленую кнопку на корпусе и задайте необходимую программу.

Когда они снова встретились, Булгакова почистив перышки, выглядела еще привлекательнее, но Ярославцев на этот раз равнодушно кивнул на ее приветствие, и продолжил общение по видеоселекторной связи с Веселовой.

Ольга как раз в этот момент воодушевлено рапортовала ему о том, что новобранцы уже завершили санобработку, и теперь накормлены и размещены попарно в карантинных кубриках. Жалоб, протестов и заявлений в адрес командования от них пока что не поступало.

– Замечательно! Ты отлично справились с этой задачей. Сдай взвод штатному командиру и займись своим табельным вооружением.

– Слушаюсь капитан.

Ярославцев уже было, хотел отключиться, но неожиданно спохватился:

– Оля, а ты случайно не в курсе, кто сегодня участвует в концерте нашей легендарной, художественной самодеятельности?

– Естественно Я! – самоуверенно заявила подчиненная но, прочитав на лице командира недоумение, быстро поправились, и пояснила:

– По многочисленным и настойчивым просьбам коллектива. Далее, согласно очереди выступят «Братья славяне». Ратибор как раз подготовил свеженькую композицию.

– Здорово! Согласен. Они давненько не баловали нас своими аранжировками.

– Ну а завершит наше грандиозное «Галла представление» новенькая исполнительница.

– Кто же? – враз заинтересовался капитан. – Неужели, наш шустрый де Базиде уже успел сагитировать кого-то из числа прибывших сегодня на базу?!

– Нет сер, – немного разочаровала его Веселова. – Это лейтенант Поленцова решила попробовать свои силы на сцене.

– Ого! И с каким же номером?

– Она держит его в строжайшем секрете. Что-то новенькое и необычное. Сама, честное слово, стораю от любопытства.

– Прекрасно друг мой! Передай Шевалье, что я полностью утвердил его программу. Надеюсь «Звездная белошвейка» будет тобой исполнена сегодня, на бис?

– Само собой! Концерт без отрядного шлагера – пустая трата времени.

– Только предупреждаю заранее, – предостерег ее Ярославцев, – никаких откровенных декольте, мини-юбок под лобок или вечерних туалетов от «Трусарди». Все должно быть в жестких рамках приличия.

Тем более, когда на концерт приглашены новобранцы. Это официальная церемония, а не гастрольное выступление второразрядного варьете. Я лягу костями, но не позволю тебе нарушить традицию.

– Но сер, – девушка умоляюще сложила руки.

– Побереги свои неумные фантазии для полуночных развлечений в «Стае», где я тебе, между прочим, разрешаю все, вплоть до стриптиза.

– Ладно. Сдаюсь, и постараюсь олицетворить скромность и целомудрие одновременно.

– Рад, что мы поняли друг – друга. Конец связи милая, у меня посетитель.

– Мой капитан! – Елена подчеркнуто безукоризненно выполнила строевую стойку. – Старший лейтенант Булгаковы по вашему приказанию прибыла.

– Молодчина! Секунда в секунду. У вас завидная дисциплина времени товарищ старший лейтенант. Проходите к столу, присаживайтесь напротив и располагайтесь поудобнее, сегодня нам предстоит обсудить не малое количество вопросов...

– Насколько я понимаю, – после непродолжительной паузы обратился к ней Ярославцев, – вышестоящее командование отклонило мое ходатайство о назначении капитана Бухарина, и вы заняли вакантную должность первого заместителя начальника экспедиции.

– Так точно, сер. Но, кажется, вы уже успели обсудить со мной эту тему. И даже высказали свое собственное мнение.

– Странно? – Ярославцев сделал вид, что пропускает мимо ушей ее язвительную реплику, и умышленно «свалял Ваньку», чтобы спровоцировать ее на объяснения: – Я почему-то всегда думал, что у меня с «Кадровиками» полное взаимопонимание.

– А с кем вы решали вопрос о назначении капитана Бухарина?

– С подполковником Здобновым и майором Заботиным.

– Ха! Они уже второй месяц как осуждены и стучат виброкайлом на рудниках. И вообще сер, в службе кадров сейчас такая текучка, что порой не успеваешь запомнить фамилии начальников отделов, а про направленных я вовсе промолчу. Редко кто из них засиживается больше полугодом в своем кресле.

– А что так?

– Да они там, совсем уже страх потеряли. Торгуют должностями на право, и налево, а когда в конец оборзывают, и заламывают запредельные цены, обиженные кандидаты в отместку сдают их контрразведке. Короче сыпятся наши кадровики на взятках и вследствие этого слетают с хлебных мест на раз, два. Однако в отношении меня вам не о чем беспокоиться сер. Я сделаю все возможное, чтобы оправдать то доверие, которое оказало мне вышестоящее командование.

– Вот это-то меня сейчас меньше всего и беспокоит. – Неожиданно заявил Ярославцев.

– Почему? – искренне удивилась девушка.

– Да потому что я редко ошибаюсь в людях, и вижу перед собой в данный момент не нытика и рохлю, а ответственного и работоспособного офицера.

– Благодарю. – Непроизвольно улыбнулась Булгакова, весьма довольная комплементом в свой адрес, а Костя напористо продолжил:

– У меня также не вызывают сомнений ваши, организаторские способности. Судя, по аттестационным материалам, вы можете горы свернуть, если будите, в этом заинтересованы. Однако, – он похлопал по ее личному делу и многозначительно поднял указательный палец вверх, – меня до сих пор смущает отсутствие у вас боевого опыта.

Может, я что-то упустил, изучая ваши документы. Будьте так любезны, внесите, пожалуйста, ясность, ответив на вопрос: вы когда-нибудь, участвовали в боевых операциях?

– Нет сер.

– Сколько времени «провели на личном составе»?

– Ни дня.

– Уму непостижимо! Как же вас все-таки утвердили на эту должность?

Булгакова сжала зубы и молчала. Крыть действительно было не чем. Оставалось только нахамить: «Мол, не твое собачье дело! Получил приказ и выполняй!». Но портить с первого дня свои отношения с начальником не хотелось. Ярославцев прикинувшись с начала беседы простачком, теперь очень грамотно припер ее к стенке. Право было начальство, когда предупредило ее, что этот парень сделан из особого теста.

– Ладно. – Милостиво махнул рукой капитан. – Оставим этот вопрос без ответа. Формально вы, конечно же, являетесь моим первым заместителем. Однако реально к исполнению данных должностных обязанностей я вас не допущу. Во всяком случае сразу.

– С какой стати?! Вы, что отказываетесь выполнить приказ?! – ринулась в контратаку Булгакова, самонадеянно посчитав, что капитан невольно допустил промашку и дал ей в руки козырного туза.

Однако Ярославцева совершенно не смутило ее импульсивное заявление, и он очень спокойно пояснил:

– Ни в коем случае, товарищ старший лейтенант. Да чтобы я отказался выполнить приказ? Первая же прокурорская проверка классифицирует мои действия как воинское преступление. Я просто, руководствуясь пятым параграфом из восьмой статьи Корабельного устава Космической пехоты, откладывая его исполнение на неопределенный срок в связи с форс-мажорными обстоятельствами способными привести к неоправданным и чрезмерным потерям среди подчиненного личного состава. – Ему не раз приходилось осаживать подобным образом

разномастных военных чиновников, потому, что в отличие от остальных, он знал «назубок» все руководящие документы и, умело использовал их противоречия в собственных интересах.

Булгакова молчала, словно «рыба об лед»!

Аргументы начальника загнали ее в тупик, и она величайшим напряжением воли пыталась хоть как-то вывернуться из этой безнадежной ситуации.

Заметив ее смятение, Ярославцев невозмутимо продолжил гнуть свою линию:

– А пока вы станете ждать допуска к исполнению обязанностей, для вас на базе будут существовать три золотых правила, так называемые три «Не», которые вы должны исполнять неукоснительно: не руководить боевыми операциями, не покидать расположение базы без уведомления старшего начальника, то есть меня, и не принимать самостоятельных решений.

– Сколь долго будут действовать ваши драгоценные «Не»? – Елена, дрожащей рукой, поправила прическу.

– Месяц, бриллиантовая моя.

– В случае вашей гибели, или физической невозможности выполнять свои обязанности, кто подхватит упавшее знамя?

– Капитан Бухарин. – Константин откинулся на спинку кресла и попытался с тем же наигранным простодушием успокоить подчиненную. – Елена Викторовна, право не стоит так нервничать и злиться. Присмотритесь, освоитесь, втянитесь в служебный биоритм. А глядишь через месяцок, если все будет тип-топ, примем решение: утверждать вас на эту должность или нет.

– Послушайте сер!!! – не сдерживаясь, повысила голос Булгакова. – У меня такое впечатление, что я попала в какой-то партизанский отряд, а не кадровое соединение. «Примем решение»?! С кем вы собираетесь обсуждать мое назначение? С господами рядовыми и сержантами?!

– Нет, старший лейтенант. Это судьбоносное решение мы примем на общем собрании господ офицеров базы.

– Я протестую! Это грубейшее нарушение...

– Приложение номер пять Боевого устава Космической пехоты гласит: «В боевой обстановке командир части имеет право потребовать от вновь прибывшего офицера пройти тестирование на профпригодность.

Или же назначить ему испытательно – адаптационный период, если не уверен в его профессиональных навыках. В случае если офицер не смог справиться в установленный срок со своими обязанностями, показал низкие морально – деловые качества, или его действия повлекли значительное снижение боевой готовности подразделений, вопрос о дальнейшем нахождении данного офицера в списках части выносится на решение общего собрания офицеров и решается открытым голосованием».

– Я вам не верю! Вы подтасовщик.

– Встать, – спокойно скомандовал Ярославцев, – руки по швам, плечи развернуты, подбородочек чуть выше. Прекрасно! Кажется, теперь я вновь наблюдаю перед собой не размазную, а настоящего офицера. А на будущее Елена Викторовна искренне советую, не ерепеньтесь. Я ведь не первый год в Армии. Насмотрелся всякого. Потом еще не раз будите благодарить меня за это решение.

Девушка, пытаясь сохранить невозмутимость, и в этот раз смолчала, намерено уставившись в натюрморт висевший над его головой. Но нервы предательски сдали и слезы от обиды потекли по щекам.

Ярославцев силой вдавил ее в кресло и предложил стакан с водой.

Он достиг желаемого результата и теперь хотел немного успокоить подчиненную. Тем более что после беспощадного кнута маленький поощрительный пряник был способен творить чудеса с кем угодно.

– Отставить разводить мокроту, товарищ старший лейтенант. Вы ведь все-таки офицер, а не кисейная барышня, и если серьезно претендуете на место моего заместителя, то должны осознавать с полной ответственностью, что очень скоро от ваших действий будут зависеть жизни ни одного десятка подчиненных, которые, между прочим, еще являются и людьми, а бездушными пешками на шахматной доске. За любую промашку командира рядовой во Внеземелье расплачивается как минимум кровью.

Если вы это не поняли на Луне, будьте так любезны, прислушиваться к советам старших здесь, а не то я не дам за вашу жизнь и ломаного гроша. Ваши возмущения мне понятны и вполне объяснимы. Хочется всего и сразу! Но вы не кадровый военный, и у вас нет опыта командования большим количеством подчиненных. А на базе, в данный момент, проходят службу сто тринадцать космопехотинцев. Пятьдесят из них «Ангелы». Пока что вы не в состоянии управлять ими должным образом. Считаю вопрос закрытым раз и навсегда! Теперь о вашем первом поручении в должности стажера. Я попрошу вас, довести до каждого новобранца, что за нарушение карантинных правил виновный будет незамедлительно привлечен к уголовной ответственности, причем по законам военного времени.

– Не пешки говорите сер?! – казалось, Булгакову совершенно не интересуют его последнее распоряжение и, заиклившись на этом сравнении, она с нескрываемым раздражением бросила начальнику в лицо. – Пешка, к вашему сведению, самый мечтательный персонаж на шахматном поле. У нее единственной есть возможность стать королевой.

– О да! Если бы вы только знали, как мне знакомы подобные рассуждения!

– Ярославцев явно демонстрируя свое сочувствие, легонько потрепал ее по плечу рукой. – Только жизнь не игра, и люди, повторюсь еще раз, не шахматные фигуры.

– Позвольте мне остаться при своем мнении, – Елена капризно дернула плечиком, показывая, что не нуждается ни в чьих утешениях и ровно поставленным голосом продолжила, как ни в чем не бывало, – вы, кажется, акцентировали внимание на карантинных мероприятиях? В чем они заключаются?

– Только в одном. Выход за границы второго яруса категорически запрещен.

– Чем вызвано столь жесткое требование? – окончательно успокоившись, поинтересовалась Булгакова.

– Допустим вот этим. – Ярославцев щелкнул клавиатурой компьютера, и на экране монитора появилась цветная фотография, от вида которой у девушки похолодело внутри.

На снимке четко просматривался человеческий труп, лежавший на резиновом покрытии в огромной луже крови. Причем мягкие части тела были варварски срезаны с костей, смешаны с внутренними органами и безжалостно втоптаны в пол.

– Что это капитан?

Константин предусмотрительно помалкивал.

– Что это?! – уже с нескрываемым раздражением переспросила Елена, выказывая свою искреннюю заинтересованность, чем укрепила зыбкие подозрения начальника о своей принадлежности к одной из секретных спецслужб. Обычный командник никогда бы не стал столь ретиво цепляться за подробности и уж тем более требовать объяснений. В самой пиковой ситуации он ограничился бы кратким инструктажем для себя и своих подчиненных. Меньше знаешь, крепче спишь.

Поэтому, удачно поймав ее на рядовую наживку, Ярославцев решил продолжить игру и, корча полуидиота, умышленно выпустил инициативу из своих рук:

– А вы попробуйте определить! Мне очень интересно мнение независимого, только что прибывшего эксперта, – и неожиданно попал в «десяточку».

Девушка, на полном серьезе, решила разгадать то, над чем уже три месяца безуспешно бились самые светлые головы отряда.

После пятиминутного мозгового штурма она осторожно озвучила свое предположение:

– Скорее всего, мы наблюдаем результат какого-то инфекционного воздействия. Это может быть, как особый вид болезнетворных микробов, так и паразит поселяющийся в организме человека.

– Если бы! – нетерпеливо воскликнул Ярославцев. Отметив про себя, что предполагаемый агент исходя из его поведения далеко не профессионал, или профессионал настолько, что способен естественно разыгрывать «Ваньку». – Сначала мы имели смелость думать так же, как и вы. Однако когда всесторонне изучили данный феномен, провели углубленные медицинские исследования, и заполучили свидетелей, в присутствии которых совершались эти ритуальные убийства...

– Убийства?! – перебила его Булгакова. – Я не ослышалась?

– Нет, вы не ослышались. Именно убийства. Необъяснимые, неотвратимые, зверские убийства. Несчастную жертву сперва лишали жизни с помощью колюще – режущего предмета, а после беспрепятственно свеживали в присутствии остальных космопехотинцев.

– Боже милосердный! – Елена даже не пыталась скрыть охватившее ее волнение. – Но кто сумел столь нагло и безнаказанно проникнуть на тщательно охраняемую территорию?

– Я отвечу, коротко и начистоту. Возможно, мой ответ покажется вам глупым или шокирует, потому что не лезет ни в какие разумные рамки. Причиной всего является НЕКАЯ невидимая, и не фиксируемая приборами слежения, энергетическая субстанция.

Однако благодаря ее действиям отряд уже потерял двенадцать человек, но не на шаг, ни продвинулся в расследовании этого загадочного феномена.

– А у вас имеется, хотя бы, маломальское объяснение происходящего?

– Нет. Пока мы только располагаем разрозненными фактами и несколькими, официально не запротоколированными, рассказами очевидцев.

– Вы докладывали о происшествиях на Землю?

– Нет.

– Но почему?!

– Я не хочу провести остаток жизни в качестве пациента, какой ни будь заштатной психушки. Какой здравомыслящий начальник поверит в мистику и не подкрепленные доказательствами рассуждения?

– А трупы?

– Трупы мы списываем на боевые потери.

– Занимаетесь укрывательством товарищ капитан? А это ведь является должностным преступлением! – непроизвольно оживилась Булгакова.

Ярославцев ничуть не смутился:

– Корабельный Устав не запрещает мне принимать самостоятельного решения при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

– Но ведь вам все равно, рано или поздно придется за это ответить.

– Придет время, отвечу!

Елена, уловила твердую непоколебимость в его словах, и некоторую степень угрозы.

В кабинете воцарила тягостная пауза...

– Что приумолкли, товарищ старший лейтенант? Обдумываете содержание донесения, в котором красочно изложите доводы о моей служебной несостоятельности? И не стыдно вам с первого дня же подсиживать своего начальника.

– Нет сер! – от души рассмеялась девушка, по достоинству оценив его искрометное замечание. – Я размышляю над причинами происшествия. Вы наверняка проводили по этим случаям тщательное служебное расследование?

– Ну, конечно же, не пускали все на самотек. Причем смею вас заверить с полным соблюдением всех формальностей, с обязательным составлением необходимых документов и сбором вещественных доказательств.

К примеру, молекулярный анализ трупов позволили нам установить, что жертвы были убиты и разделаны обычным десантным ножом, армейского производства.

– Но ведь это уже зацепка! Вполне возможно, что кто-то, из ваших подчиненных, действуя в интересах той, или иной спецслужбы, проводит на базе строго засекреченный эксперимент или испытывает новый образец вооружения.

– Исключено! Личный состав заранее узнает об убийстве и ждет его совершения, закрывшись попарно на боевых постах, при этом пристально наблюдая друг за другом.

Я же для надежности слежу за всеми из командного пункта. В момент драмы никто ни покидает своих мест, а обмануть напарника или аппаратуру наблюдения практически невозможно.

– Странно! Но я впервые сталкиваюсь с таким случаем. Не улыбайтесь сер, демонстрация пренебрежения здесь неуместна. На курсах офицеров Космической пехоты я много времени провела за изучением архивных материалов. Мною проштудированы все экспедиционные отчеты за последние пятьдесят лет.

Ярославцева покорила ее откровенный, доверительный тон и искреннее желание разобраться в ситуации.

– Вы совершенно правы Елена Викторовна. Потому что, в свое время, я тоже защитил командирский минимум по аномальным явлениям Внеземелья. То с чем нам пришлось непосредственно столкнуться, нет ни в одном справочнике. Даже в устных байках, преданиях и легендах записанных со слов ветеранов освоения Космоса не прослеживается и намек на существование этого загадочного убийцы – невидимки. Мир за пределами Солнечной системы практичен, прост и предсказуем. Столь ужасным способом уничтожения в нем просто нет места. Здесь же я углядываю извращенное буйство чьей-то фантазии. Сами посудите все свалено в кучу: и демонстративные ритуальные действия, и смешение нескольких разрозненных религиозных обрядов, усиленных крайней жестокостью и обильно приправленных искусственной загадочностью. Все перечисленное наталкивает меня на мысль, что убийца знает историю развития земной Цивилизации не понаслышке. Но он точно не один из нас, потому что приходит извне и проникает на базу доселе не установленным нами способом.

– Применение оружия давало положительный результат?

– Нет. Мы всегда пытались изолировать места этих происшествий, и однажды нам повезло. Месяц назад погибло сразу два космопехотинца в шестнадцатом огневом сооружении. Дежурный блокировал двери и открыл огонь из всех видов вооружения, одновременно нагнетая нервно – паралитический газ. Но с трупов сняли, кожу, вспороли животы и выкрали сердца, несмотря на то, что каждый сантиметр внутри сооружения непрерывно простреливался и травился газам в течение пяти минут, до тех пор, пока не закончилось это безобразие.

– Невероятно!!!

– Надеюсь, вас не нужно убеждать в том, что это информация является секретной и не подлежит разглашению среди новобранцев?

– В целях недопущения паники?

– Именно, старший лейтенант! Люди они не обстрелянные, поэтому всякое может случиться.

Булгакова понимающе кивнула.

Внезапно пол под их ногами подпрыгнул, да так сильно, что со стеллажей посыпались книги. Отзвук взрыва, приглушенный толщиной бетонных перегородок докатился с некоторым запозданием. Пульт управления немедленно ожил и отчаянно замигал рубиновыми индикаторами.

– Тревога сер. – Со зловещем спокойствием объявил по громкой связи Центральный компьютер. – По всему периметру базы сорван защитный экран. Еще одним направленным взрывом уничтожена бронедверь главного входа.

Серия новых взрывов свергло сооружение в дрожь.

Освещение на секунду мигнуло, и лампы затеплились в половину накала.

– Двери запасного и аварийного выхода уничтожены, – продолжал перечислять разрушения компьютер. – Реактор заглушен. Сработала аварийная блокировка. Произведен переход на резервное питание.

– Центральный! Управления на меня! – Ярославцев подскочил к обзорным экранам и быстро настроил «уплывающее» изображение.

База возникла перед ним от подвальных помещений до радиолокационного центра. Растерянности и суеты среди личного состава не наблюдалось. Отряд было невозможно застигнуть врасплох.

«Ангелы» расхватав снаряжение, экипировались на ходу и уже занимали свои огневые позиции.

– Бухарин! Кратко обстановку? – Константин вскрыл личную оружейную ячейку и втиснулся в легкий, пуленепробиваемый жилет.

– Туземцы уже внутри базы сер. Атакуют одновременно с трех направлений. Две группы удалось отсечь бронеперегородками в районе пакгауза и реакторного отсека. Третья тоже блокирована и уничтожается. Всего внутрь прорвалось шестьсот восемьдесят один пехотинец. Снаружи общий штурм. Лезут очень плотно. Ай, шайтан их забори! Третья группа все-таки взорвала бронеперегородку и устремилась через главный магистральный коридор к космодрому.

– Так дружище, понял тебя. Как отрулишь ребятами сразу ко мне в полной экипировке. Работаем в паре «Чистильщиками».

– Задействуйте моих людей! – предложила Булгакова.

– Нельзя! От них не будет проку.

– Сер, это отговорка! Они...

– Не знают системы огня, сигналов взаимодействия, схему расположения базы. Они ничего не знают товарищ старший лейтенант и запросто перестреляют друг – друга. Объявите им тревогу. Пусть вооружаться, и находятся в резерве. Если обстановка осложнится до крайности, я представлю им возможность с честью умереть за Федерацию.

Елена немедленно связалась с командирами групп новобранцев и коротко отдала боевые распоряжения.

Бухарин шаровой молнией влетел в помещения:

– Дело – дрянь командир. Снаружи – сущий ад! Не продохнуть. Прут лавой по собственным трупам. Такого ожесточения я еще не видел. Пришлось дать команду: «Все на стены!», снять внутренние посты и оставить минимум бойцов только на космодроме.

– Молодца Тимур Рифкатьевич! Ай, молодца! Все ты сделал правильно! – похвалил его Ярославцев. – Главная задача – отразить наружный штурм. А с прорвавшимися, мы, как ни будь, сами разберемся.

– Вдвоем? – Тимур рывком перезарядил пулемет.

– Втроем! – Константин указал на Булгакову и одел на голову бронешлем. – Елена – Батьковна?!

– Да сер?

– «Дуйте» на аварийный командный пункт. Отсюда вы не сумеете полностью уследить за ситуацией. Там проведете краткий мониторинг всей оперативной обстановки и будите сообщать мне, о ее изменениях. Прорвавшихся старайтесь заблокировать. Это не сложно. Речевая команда...

– Сер, ее пароль – доступ не введен в мою память! – решительно возразил центральный компьютер.

– И тут малец с поправкой влез! – крикнул, раздосадовано Бухарин. – Да пойми ты куча ржавых микросхем, сейчас не время соблюдать инструкции.

– Сер! – обиженно возразил искусственный интеллект базы. – Доверить бразды управления первому встречному равносильно святотатству. А вы Тимур Рифкатьевич и вовсе помолчите. Я не нуждаюсь в ваших поучениях.

– Значит, после каждого ее распоряжения связываетесь со мной и, получив подтверждение, беспрекословно выполняете команду. – Константин опустил прозрачное забрало на бронешлеме, подключил питание и вошел в связь с Бухариным. Затем циркулярно произвел переключку с командирами групп и скомандовал: – Тимур! Ты сейчас в главный магистральный коридор. Займешь оборону со стороны космодрома, с задачей не допустить прорыва туземцев на взлетку и к ангарам. Я уничтожу остальных возле реакторного отсека и пакгауза, а после скрытно зайду и ударю по твоим с тыла. Атаку начнем с двух сторон, одновременно. По моему сигналу снесешь бронеперегородку и двинешься мне на встречу.

– Есть командир!

Костя запустил персональную микро ЭВМ, вмонтированную в сферу бронешлема. На забрале почти мгновенно проступил текст: «Главный магистральный коридор – шестьсот десять. Пакгауз – девять. Коридор энергоустановки – семьдесят три».

Он энергично сжал кулаки, передавая на кончики пальцев нервное возбуждение так необходимое для обострения реакции рук.

Ситуация складывалась как нельзя лучше. Бухарин успел обдуть прорвавшихся радиоактивной пылью. Ее микрочастицы, осев на одежде и коже, пометили каждого туземца, и теперь специальные контрольные счетчики могли точно отследить маршруты движения атакующих, а так же их количество.

Они покинули командный пункт одновременно и сразу же разделились.

Константин, используя страховочный фал, спустился на первый ярус. Но стоило только его ботинкам коснуться пола, как в наушнике завибрировал взволнованный голос Булгаковой:

– Командир! Наружная атака отбита. Земли не видно. Все устлано трупами. Противник откатился за вал, и производит перегруппировку боевых порядков.

– Не давайте им опомниться! Прикажите применить многоцелевые гаубицы с касетными снарядами, а Дормидонтову через пять минут поднять в воздух четыре фляга огневой поддержки и уничтожить все живое в радиусе трех километров вокруг базы.

– Но это, же форменный геноцид! Сер, я не стану отдавать такого приказа, он преступен и неоправданно жесток! – решительно возразила Булгакова.

– Отлично! Я вижу, вы желаете перестраховаться?! В таком случае, старлей, я направляю на командный пункт рядового Сотника с приказом расстрелять вас за невыполнение распоряжения начальника в боевой обстановке.

– Я выполню ваш приказ капитан, но после боя не сомневайтесь, я обжалую его и поставлю жирный крест на вашей карьере!

– На здоровье! А сейчас валите-ка из эфира. Я отстраняю вас от участия в операции. Центральный?!

– Да, сер? – с ноткой нескрываемого злорадства откликнулся главный бортовой компьютер. Подолгу службы он отслеживал, все переговоры и явно не симпатизировал новоиспеченному заместителю.

– Заблокируй ее канал. С этой секунды ты общаешься с моей персоналкой напрямую.

– Будет исполнено, Командующий.

А Бухарин тем временем уже добрался до космодрома и теперь, прикинув, что к чему, торопливо сооружал из подручных материалов баррикаду, сваливая в кучи всевозможный технический хлам и сплавляя крупные фрагменты для крепости между собой короткими импульсами из лучемета. Хлипкая преграда, конечно же, не могла остановить такое количество ата-

кующих, но если золотарцам все-таки удастся взорвать или снести бронеперегородку, она, хотя бы на несколько секунд была способна задержать их наступление.

За спиной Тимура находился десятиметровый коммуникационный шлюз с выходом на взлетную площадку. Вероятно, атакующие заранее все рассчитали и ударили в самое уязвимое место на этом уровне базы. Тем более что после отлета флаев, обороной космодрома заведовал один лишь Дормидонтов.

Бухарин прекрасно понимал, что Ратибор не сможет даже на короткое время бросить свою зону ответственности и вступит в бой только при, его вынужденном, отходе. Но если он, в свою очередь, не удержит туземцев в шлюзе и отступит, те прорвутся на взлетку и, разбежавшись, как тараканы, успеют перекурочить большую часть оборудования. Поэтому Тимур, недолго думая, принял единственно правильное решение: упереться рогом и стоять насмерть на своей огневой позиции. Он коротко помолился Аллаху и тщательно проверил вооружение.

А за дверью уже нагло гремели железом.

Бронированная перегородка гулко, по колокольному ухнула от удара. Потом еще и еще раз... Наверняка ее пытались проломить обычным тараном. Однако после нескольких, весьма энергичных попыток в шлюзе вдруг воцарила подозрительная тишина...

Бухарин, интуитивно почуяв опасность, сместился на более выгодную для обстрела позицию и, обложившись гранатами, поудобнее пристроил пулемет.

Константин не бежал, он летел к реакторному отсеку!

Сегодняшний день и так оказался богат на сюрпризы, и мотать соплю на кулак или ходить вразвалочку сейчас было бы смерти подобно. Тем более что прорвавшиеся внутрь базы туземцы уже успели доставить отряду немало хлопот...

Частые звуки от таранящих ударов, доносившиеся со стороны реакторного отсека, немного успокоили его и заставили перейти на шаг. Вероятнее всего у золотарцев закончилась взрывчатка, и они были вынуждены ломать бронеперегородку вручную.

Ярославцев специально замедлил движение. Противник, должен был обязательно, в целях подстраховки, выставить охранение.

И действительно: стоило ему только приблизиться к изгибу магистрального коридора, как их дозорный криком предупредил остальных об опасности.

Шум моментально стих. Капитан тоже остановился, запустил таймер на взрывателе газовой гранаты и, не мешкая, выстрелил ее из подствольного гранатомета.

Начиненный смертью снаряд рикошетировал от стены и улетел за угол. Не дожидаясь хлопка от разрыва, Ярославцев побежал дальше, на ходу отдавая распоряжения главному базовому компьютеру:

– Центральный?

– Да, сер?

– Через пять минут провентилируй реакторный отсек, и прилегающий к нему коридор, а также проведи полную дегазацию перечисленных помещений. Отравляющее вещество – нервно – паралитического действия. Усек?

– Так точно сер.

– Ну, вот и славненько.

Первый этап «зачистки» прошел на удивление гладко. Но Костя и не думал расслабляться. В такой непредсказуемой обстановке легко можно было напороться на засаду. И он, прежде чем продвинуться вперед, очень тщательно сканировал ультразвуковым анализатором, все попадавшиеся на его пути помещения, а так же скрытые от глаз пространства.

Так постепенно, перебегая от препятствия к препятствию, ему удалось почти вплотную подобраться ко второй прорвавшейся группе.

Козырь любой атаки – внезапность! Это золотое правило Ярославцев усвоил еще с кадетских погон.

Возле пакгауза заняли оборону всего на всего девять человек. Для опытного космопехотинца уничтожение такого количества противников не составило бы особого труда.

Даже и при большем численном перевесе он мог бы, как в старые, добрые времена, ринуться на них с одним десантным ножом и в яростной рукопашной схватке доказать в первую очередь самому себе, что ты еще чего то стоишь...

Но он решил не рисковать. Нарваться на отравленный дротик или град камней умело выпущенных на встречу из примитивных, кожаных пращей он успеет всегда. А вот если база в самый ответственный момент потеряет командира...

Нет, Ярославцев уже давно отвечал не только за себя и поэтому, спрятав свой профессиональный зуд подальше, тихонько отдраил коммуникационный люк, и осторожно спустился по проржавевшему трапу в канализационную систему.

Через минуту, выломав ногой в боковой стене сливную решетку, он хладнокровно изрешетил потерявших бдительность туземцев из двух скорострельных лучеметов.

Никто даже не успел повернуть головы. Воины рухнули почти одновременно как подрубленные, так и не сообразив, что же с ними произошло.

Капитан сменил расстрелянные батареи и втиснул оружие в набедренные кобуры. Задача по зачистке базы теперь значительно упростилась. На повестке дня осталась лишь основная группа, орудующая в главном магистральном коридоре.

Центральный компьютер как нельзя, кстати, доложил, что снаружи Ангелы успешно отразили повторную атаку и, теперь, флаи «утюжат» площади, вокруг, базы уничтожая полевые лагеря туземцев.

Аварийная команда уже успела снять блокировку с защиты реактора и, произведя профилактическую дезактивацию прилегающих помещений, запустила его в работу, что позволило главному инженеру заново активировать силовой экран, и полностью прикрыть им форт-сооружение.

По сообщению, поступившему от Дормидонтова, следовало, что в степи туземцы тоже разгромлены на голову и, лишившись резервов, в панике разбегаются в разные стороны. Ни вожди кланов, ни шаманы не могут остановить соплеменников.

Более того, Дормидонтыч, решив не останавливаться на достигнутом, запросил добро на преследование разрозненных групп и уничтожение расположенных вблизи базы стойбищ.

Константин категорически запретил ему делать это! Он и так уже успел «наломать дров». Особенно с трехкилометровой зоной, в которой: «не должно остаться ничего живого».

К тому же космопехотинцы к этому времени успели положить ни одну тысячу местных вояк, и любое служебное расследование наверняка квалифицировало бы их действия как чрезмерную жестокость. Булгакова, черт ее подери, была, конечно же, отчасти права! После боя, да на свежую голову, все воспримется совсем по-другому, особенно начальством...

Докатившийся отзвук от нового взрыва заставил капитана поторопиться, и он, пренебрегая собственной безопасностью, понесся кратчайшим маршрутом в направлении главного магистрального коридора.

По мере приближения к космодрому до него стала доноситься беспорядочная и отчаянная стрельба, которую вел Бухарин, сдерживая натиск наступавших, словно саранча туземцев.

Внезапно его пулемет захлебнулся и, через несколько секунд, новый взрыв сотряс воздух!

Костя сразу сообразил, что с Тимуром случилось самое страшное и, побросав все тяжелое вооружение, еще энергичнее заработал ногами.

Он настолько спешил на выручку товарищу, что едва не поплатился за это жизнью.

Выскочив из-за поворота, в самом начале коридора, наш бравый торопыга тут же схлопотал удар тяжелого копья в лицо.

Боец, прикрывавший соплеменников с тыла, среагировал на его появление с завидным проворством. Прозрачное забрало бронешлема не уступавшее по твердости лучшим маркам стали, стоически взвизгнув, заставило золотой наконечник согнуться и скользнуть в сторону.

Ткни туземец на пол-ладони ниже и, плоское лезвие как раз, попав в щель между сферой и легким, без – воротниковым бронежилетом, вспорола бы ему горло.

Ярославцев заученным движением перехватил длинное копьё за древко и сломал его словно тростинку.

Противник отскочил и, отшвырнув в сторону бесполезный обломок, обнажил короткий бронзовый меч. Капитан сделал вид что испугался, и начал медленно пятиться назад.

Обрадованный его отступлением верзила прикрываясь щитом, и самоуверенно бросился на врага.

Однако он явно переоценил свои силы. Ярославцев, уклонившись влево, легко ушел с линии атаки и, пропустив, перевешего как носорог, противника, наотмашь по самую рукоятку всадил ему десантный нож в затылок.

Извлекать оружие он не стал, впереди маячила серая масса, утянутых в кольчуги воинов готовых вот, вот хлынуть на космодром.

И тогда, не целясь, от бедра, он за сорок секунд выпустил по ним весь свой стрелковый боекомплект.

Туземцы, получив весьма ощутимый урон, организованно развернулись и, сомкнув щиты, с опущенными копьями, отважно двинулись на него.

Тыл в мгновение ока превратился во фронт, и Константин, не успев перезарядить пулемет, ударил по ним из подствольного мезонного огнемета. Лавина пламени буквально слизала авангард. Но первый залп не охладил наступательный порыв золотарцев, и они продолжали упрямо лести вперед по скорчившимся и обугленным трупам соплеменников.

После двадцатого нажатия на гашетку, он швырнул в приближающихся опустошенный огневой комплекс, и вынужденно отступил шагов на двадцать.

Самоликвидатор разорвал в клочья его личное оружие, и осколки отправили на тот свет еще нескольких бойцов.

Тугие, фиолетовые трассы скорострельных лучеметов быстро заполнили коридор трупами почти до самого потолка. Атакующие наконец-то увязли.

А тех, кто осмеливался взобраться на эту агонизирующую баррикаду, он мгновенно опрокидывал короткими импульсами.

Кажется, боевой пыл, и численный состав противника резко пошел на убыль. Но именно в этот момент у него, как назло, закончились батареи. Подсумок тоже оказался пуст, все лишнее он сбросил, когда спешил на выручку к Бухарину. Капитан отжал специальные клавиши на рукоятках лучеметов, и пустые обоймы почти одновременно стукнулись о пол.

Костя отшвырнул их от себя носком ботинка, расчищая место для рукопашной схватке. Туземцев оставалось не больше двадцати, и он играючи мог перерезать их ножом.

Однако фортуна в этот раз повернулась к нему явно не тем местом. На кучи трупов внезапно появился высокий воин, и очень проворно шархнул в его сторону из какой-то трубы.

Костя хотел, было увернуться, но дистанция оказалась слишком маленькой, и начиненный взрывчаткой снаряд угодил ему прямо в грудь.

Последнее, что он услышал – это треск бронежилета и реберных костей.

Его отбросило назад. Липкая, безмолвная чернота накрыла противной, душливой волной. Боль, сначала нестерпимая и пронизывающая, резко слабела, по мере того как угасал разум.

Константин попытался уцепиться за болевые ощущения как за спасительную соломинку, но все было тщетно. Он неумолимо скатывался в пропасть небытия, на дне которой его уже поджидала «Курносая», возбужденно помахивая ржавой косой.

Из непроглядного мрака с невероятным усилием протиснулось слабое светлое пятно. Оно немного побарахталось в темноте и стало медленно разрастаться, одновременно обретая при этом резкость и естественные цвета.

Постепенно мир обрел привычные границы реальности и воплотился в незнакомое лицо, которое смотрело на Ярославцева одобрительно и ласково, словно любящая мать на очнувшуюся после тяжелой и продолжительной болезни дитя.

– Он в сознании господи! – громко и торжественно возопило лицо, скрытое до глаз медицинской маской. – Я оказался прав! Я полностью оказался прав! Мой метод все-таки сработал.

– Кто вы? – задал вопрос Константин, и сам удивился своему слабому голосу. Язык повиновался с трудом, и каждое его движение стоило невероятных усилий.

– Корабельный майор медицинской службы Власов Вадим Леонидович. – Назвавшийся снял маску, и промокнул ею свой потный лоб.

– Доктор! Да вы и впрямь самый настоящий волшебник! – Дормидонтов, от избытка чувств, сгреб эскулапа в охапку и начал трясти не переставая.

– Я что на Земле? – Ярославцев попытался встать, но Власов освободившись из объятий Ратибора, настойчиво уложил его обратно на окровавленный стол.

– Капитан бредит. Сестра?! Срочно снотворного. – Он произнес это настолько требовательно, что в операционной сразу наступила тишина.

– Эй, кто ни будь? Черти полосатые. Где я? – не успокаивался Константин.

– Вы на базе командир, – над Ярославцевым одновременно склонились отрядный врач и Дормидонтов, – лежите спокойно, и не рыпайтесь. Вас буквально собрали по частям.

– Не собрали, а взрастили, – проворчал Власов, принимая из рук медсестры инъектор со снотворным.

– Подождите доктор! – запротестовал Ярославцев.

– Я все еще начальник экспедиции, и никто не освобождал меня от исполнения должностных обязанностей. Позвольте мне, сначала хотя бы переговорить с подчиненными?!

Власов в растерянности развел руками, а капитан, воспользовавшись его замешательством, начал, переводя дыхание после каждой фразы, задавать присутствующим вопросы:

– Откуда взялся этот настырный майор?

– Он из числа прибывших. Специалист высочайшего класса.

– Сколько времени я провалялся без сознания?

– Час и сорок шесть минут. – Волков посмотрел на наручные часы, зная, что начальник очень скрупулезен и потребует предельной точности.

– Штурм отбит?

– Да капитан. – Ратибор поднес к губам Константина стакан с ярко-оранжевой жидкостью. Власов кивнул в знак согласия, и Ярославцев выпил все до капли.

Жидкий, трехкомпонентный восстановитель быстро привел его в норму.

Капитан отдышался и медленно сел, свесив со стола босые ноги. Голова закружилась, но он уперся руками и продолжил опрос:

– Наши потери?

– Капитан Бухарин сер.

– Не понял? Почему тогда я жив, а он мертв? Почему вы, в первую очередь, бросились спасать меня, а не его?

– Я не Господь сер, – Власов сильно занервничал и спрятал за спину дрожащие руки, – когда ваши останки доставили ко мне, большая часть мозговых клеток продолжала активно функционировать. Они еще не успели отмереть. А вашего коллегу принесли слишком поздно, да к тому же он был представлен только двумя фрагментами. Я так и не увидел его тело целиком.

– Ратибор? Что произошло с Бухариным?

– Мы долго разбирали трупы сер, и ничего не нашли кроме заклинившего пулемета, его левой руки, да еще бронесферы с уцелевшей головой. Там была натуральная каша из костей и кусков плоти. Я предполагаю, что в последние секунды боя он, попав в окружение, подорвал себя вместе с туземцами вакуумной гранатой.

– Как глупо! Как непростительно глупо! – Власов раздраженно бухнулся на банкетку и захрустел костяшками пальцев.

– Майор, воздержитесь от выводов, – взвешенно потребовал Константин, хотя известие больно полосонуло по его нервам,

– у космопехотинцев свой кодекс поведения на поле боя. Бухарин погиб как герой! И его подвиг достоин подражания.

– Я все понимаю сер. Не мальчик, не первый день на Флоте. Но ради Бога доведите до своих подчиненных, что если они успеют в течение получаса доставить останки погибшего ко мне, я сумею поставить практически мертвого бойца на ноги. Это совершенно непозволительно так пренебрежительно относиться к своему телу сер.

– А если у «Жмурика» будет оторвана голова. Вы и ее на место пришьете? И что потом? Раз, два, три и елочка гори? – съязвил, кто-то за спиной Ярославцева и ойкнул от увесистого Дормидонтовского тумака.

– К сожалению, в этом, конкретном случае я буду бессилён. Однако смею вас заверить что, при неукоснительном выполнении оглашенного мной условия, я смогу реально снизить количество безвозвратных потерь до одного процента. И вообще, я не понимаю вашего пофизизма господ! Вместо того, чтобы как следует выслушать и строго следовать моим рекомендациям, вы ржете как мерины да еще и подначиваете! А я, между прочим, бился над этой проблемой долгих, семнадцать лет...

– Сегодня вам просто сказочно повезло, приятель, – как можно дружелюбнее возразил Ярославцев, – а на моих ребят не стоит обижаться.

– Причем здесь везение сер, и уж тем паче обида?!

– Да притом, что я восьмой раз благополучно выхожу из комы. Просто живучий, как кошка.

– Какая кошка?! Скажите, кто ни будь, этому остолопу, – не на шутку разошелся Власов, – что когда его развороченные останки доставили сюда, он был уже мертв.

– Доктор прав, мертвее не бывает командир, – Ратибор подступил к Ярославцеву. – Он дело говорит. Будь этот парень с нами с самого начала экспедиции, мы бы многих сумели вернуть в строй.

– Хорошо, сдаюсь, – согласился капитан, – обсудим эту тему попозже. А сейчас все на служебное совещание.

– Ни в коем случаи! Курс вашей реабилитации еще не закончен. Да, к тому же вы приняли это мерзкое пойло. – Власов брезгливо ткнул пальцем в пустой стакан и демонстративно замахал перед носом у Ярославцева заряженным инъектором.

– Это необходимо? – Костя с детства недолюбливал врачей.

– Не отдохнув, вы свалитесь через несколько минут от переутомления, или еще хуже – лишитесь рассудка и станете не Константином Сергеевичем, а Костиком – придурковатым. Вас устраивает такая перспектива?

– Сколько продлится сон?

– Часа четыре.

– Да подождите вы! – Ярославцев пресек попытку Власова ввести лекарство. – Дайте договорить. Ратибор? Корабельное время?

– Шестнадцать сорок сер.

– Служебное совещание в двадцать один ноль, ноль. – Капитан почувствовал, как вновь слабеет с каждым словом. – Приглашаются командиры групп и спецы.

Всем быть в готовности доложить свои соображения о случившемся. Динамику нападения поручаю тебе и Булгаковой. – Константин медленно завалился на бок.

– Ну вот! – всполошился, словно насадка, у которой уперли яйца, Вадим Леонидович. – Я же предупреждал! У него начался рецидив, и он вот, вот потеряет сознание!

– Мне просто поплохело доктор. – Попытался оправдаться капитан, и с трудом приоткрыв глаза, смиловившись: – Ширяйте побыстрее своим дурманом, а то меня мутит, и голова вот, вот разорвется на части.

– А теперь прошу внимания господ! – Ярославцев занял свое штатное место в председательском кресле, посредине конференц-зала. – Вы собраны здесь, только с одной целью – подвести итоги сегодняшнего штурма. Поэтому попридержите языки и эмоции. Времени у нас немного, и все остальные вопросы будем решать в конце служебного совещания.

Ангелы разместились почти вплотную к нему, полукругом согласно должностной иерархии: впереди – командиры групп, за ними, в затылок командиры взводов и отделений. Спецы и многопрофильники, держались особняком слева от начальника, и всюю строчили на «персоналках» отчеты, подчеркивая свою значимость. Командный состав новобранцев тоже присутствовал на совещании, скромно помалкивая позади всех, во главе с Булгаковой. Их пригласили пока только в качестве наблюдателей, и они с нескрываемым любопытством следили за происходящим.

– Вашему вниманию предлагается следующий порядок работы, – Константин достал из кармана маленькие четки из полудрагоценных камней, и принялся непроизвольно их перебирать, – в начале совещания с кратким анализом выступит капитан Дормидонтов и старший лейтенант Булгакова. Затем я хочу услышать мнение спецов и консультантов, и только после них может взять слово каждый желающий. Однако предупреждаю заранее, не лейте воду господа. Краткость – сестра таланта.

Костя хоть и был стопроцентным командником, но не гнушался, хотя бы изредка интересоваться мнением всего коллектива. Тем более, что ситуация на базе сложилась аховая и корчить из себя всезнайку дальше не имело смысла. Здесь требовался общий мозговой штурм, а не волевое решение обличенного властью начальника.

– И так слово предоставляется старшему лейтенанту Булгаковой. – Константин снова взял в руки четки. – Довожу до присутствующих, что она находилась на аварийном командном пункте, все время пока длился бой, и отследила его полностью от начала и до конца. Дормидонтов будете на подхвате и если что-то не так, поправите или дополните моего будущего заместителя.

Елена уверенно поднялась со своего места и коротко доложила:

– Товарищ капитан, товарищи офицеры и сержанты. Согласно проведенного мной расследования в четырнадцать часов тринадцать минут база подверглась внезапному нападению. Для осуществления этого плана противнику удалось скрытно прорыть два подкопа.

Затем, одновременным взрывом уничтожить силовой экран, главные ворота спецфортсооружения, а так же заставить сработать блокировку аварийного реактора. Наше силовое поле, в целях экономии энергоресурсов, работала только на три процента от своей мощности, и обеспечивало гарантированную противопулевую и противоосколочную защиту. Вот почему золотарцы смогли прорвать ее небольшим количеством взрывчатки.

В последующем, во время штурма они так же активно применяли взрывчатку и ракетное вооружение. Наши потери – один офицер и семь процентов энергетического запаса. Потери противника примерно пятьдесят с половиной тысяч убитыми. Доклад окончен сер.

– Дормидонтов?

Ратибор в бессилии развел руками:

– Как из песни, не выкинуть ни слова.

– Верно! Коротко и по существу. – Согласился начальник экспедиции и не замедлил перейти к «разбору полетов»: – Та-а-ак! – он заинтересовано осмотрел подчиненных, явно выискивая жертву и, кажется, ее нашел. – А где наш главный военный эксперт? Где этот горе-аналитик?!

– Я здесь. – Над головами возвысилась рослая фигура лейтенанта Касио Лорети.

– Вы догадываетесь, сударь для чего сюда приглашены?

– Так точно сер!

– И готовы объяснить нам причины всего произошедшего?

Ангелы облегченно вздохнули. Начальник в этот раз избрал шутливо издевательский тон и воздержался от серьезной взбучки.

Офицер потупился и засопел.

– Что, нечего сказать?! – повысил голос капитан.

– Нечего. – Обречено мотнул головой здоровяк.

– Тогда вы не аналитик лейтенант и даже не офицер. Вы сто рублей в убыток.

– Зачем же так категорично сер?

– Затем, что заслужили батенька. Или я не прав?

– Не знаю, вам виднее. – Насупившись, проворчал проштрафившийся.

– Вот только не надо корчить из себя убитую горем гимназистку, которая только что узнала о своей беременности.

Конечно, проще простого прикинуться обиженным или более того – возомнить себя жертвой командирского произвола, – продолжил добивать его Ярославцев, – гораздо тяжелее признать свои ошибки и попытаться больше их не допускать. Сколько еще мне нужно повторять вам, что любое распоряжение старшего начальника необходимо выполнять беспрекословно, точно и в срок, проявляя при этом не только служебное рвение, но еще и разумную инициативу. Вы же почему-то в этот раз предпочли увильнуть от выполнения поставленной задачи и как матерый армейский разгильдяй отложили ее в долгий ящик, свято считав, что она, все равно, рано или поздно рассосется сама собой. Вы что надеялись на чудо?

– Ни как нет.

– Ну, тогда в чем дело голубчик?! Объясните, пожалуйста, мне, и этим храбрым джентльменам, – Ярославцев обвел рукой командиров групп,

– как случилось, что ведущий военный аналитик отряда принародно расписывается в собственном бессилии?

Лейтенант молчал, словно партизан на допросе.

– Ладно, – смирился капитан, – не будем больше сотрясать понапрасну воздух и перейдем от упреков к фактам. Давайте-ка лучше вспомним тот исторический момент, когда у золотарцев впервые появились стальные кинжалы, а так же железные наконечники к копьям и стрелам. Вы сударь тогда помнитесь изволили «махать трусами», пытаясь убедить нас в том, что ничего страшного не случилось, и даже придумали свое определение этому, незначительному на ваш взгляд, событию. Как вы его тогда назвали?

– Побочным и закономерным результатом эволюции, связанным с перенятием опыта от прибывшей на планету экспедиции. – Громко напомнил Лорети.

– Именно! – оживился капитан. – Настолько загадочно и мудро, что сразу и не подкопаешься. Однако уже тогда я с вами был не согласен, и посоветовал искать первопричину их изменившегося поведения. Вы ответили: «Угу!», и откровенно забили болт.

– Сер! Я через сутки долбил смену, а в перерывах не вылезал из реакторного отсека.

– Согласен. Для качественного анализа обстановки у вас не было ни времени, ни возможностей. Но и мы здесь не одним местом груши околачивали. Я, польстившись на вашу офицер-

скую порядочность, доверил вам задание особой важности, а вы отнеслись к его выполнению спустя рукава. Теперь же мне ничего не остается, как только обвинить себя в недостаточной требовательности и задать вам один – единственный вопрос: откуда на планете, вдруг ни с того ни с сего, появилась взрывчатка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.